

18+

AR-KEAT и Дочь Белого Корня

Книга первая цикла
«Северный Предел»

Лирель Мэйран

Лирель Мэйран

**AR-KEAT и дочь Белого
Корня. Книга первая
цикла «Северный Предел»**

«Издательские решения»

Мэйран Л.

AR-KEAT и дочь Белого Корня. Книга первая цикла «Северный Предел» / Л. Мэйран — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-679826-7

В доме Лирель Мейран зеркала хранили не отражения, а страхи, клятвы и предательства. Когда древнейшее из них — Чрево Тьмы — треснуло, наружу вырвался древний ужас. Чтобы собрать осколки и запереть его вновь, Лирель отправляется на Северный Предел. Она не воин и не пророк. Она та, кто умеет читать чужие страхи и знает, как запереть их обратно.

ISBN 978-5-00-679826-7

© Мэйран Л.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

AR-KEAT и дочь Белого Корня

Книга первая цикла «Северный Предел»

Лирель Мэйран

© Лирель Мэйран, 2025

ISBN 978-5-0067-9826-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Порой мне кажется, что я родилась в библиотеке.

В доме где всегда стоял холод – даже летом по мраморному полу босиком ходили лишь слуги, а мы – в мягких туфлях, чтобы не тревожить тишину. Здесь всё звучало приглушённо, будто сам воздух впитывал слова.

Меня с детства учили, что слова опасны. Одно неосторожное замечание – и зеркало может впитать его навеки. Наши зеркала не просто отражали – они хранили. Всё подряд: клятвы, ошибки, предательства. Но главное – страхи.

Некоторые зеркала в доме лучше было не тревожить. К ним не подходили с огнём. Рядом с ними старались не говорить, не плакать и, если удавалось, обходить их стороной. Потому что если зеркало услышит – оно сохранит это навсегда. Я выросла среди этих безмолвных стражей. Среди книг в переплётах из человеческой кожи. Среди тишины, в которой собственное сердцебиение отдавалось громче любого крика.

Старшие говорили, что зеркало – это клетка. Чтобы дверца оставалась запёртой, наша семья из поколения в поколение приносила жертвы. Не всегда кровавые. Иногда – смехом первенца. Иногда – именем матери. Иногда – тенью отца. Но несколько зим назад ритуал нарушился и одно из зеркал треснуло. Мы услышали хрустальный звук – точно лёд под ногами. Оно раскололось на множество осколков, а треск прошёл сквозь стены, сквозь книги, сквозь самую кожу. Мы поняли – это не просто трещина.

Мы называли его Чрево Тьмы. Веками оно стояло в главном зале, укрытое покрывалом и забытое, как старая легенда. Это зеркало было не хранилищем, а тюрьмой для чего-то древнего и жуткого, словно первородный ужас. Живого, как незаживающая рана. С его разрушением рухнули границы между тем, что должно было оставаться внизу, и тем, что поднялось вверх.

Оно не отражало лиц – лишь слабость, лишь внутреннюю тьму. Говорили, если смотреть в него слишком долго, можно навсегда в нём остаться. И теперь оно где-то там, среди живых.

Чтобы восстановить Чрево Тьмы, мне предстоит собрать не просто осколки. Мне нужно поймать в каждую грань сам страх – осязаемый или бесплотный. В каждом – своя боль. Свой ключ.

Я не воин и не пророк. Я просто та, кто умеет читать чужие страхи и знает, как запереть их обратно. Север звал. Там, где нет зеркал. Там, где знание – это клинок. Где магия не течёт в жилах, как кровь, а мир не делится на истину и ложь.

Меня зовут Лирель Мейран. Я – из Дома Белого Корня. И я иду искать то, что боится быть найденным.

Глава 1

Я уехала до рассвета. В Линмарте так заведено: уходить надо, пока солнце не поднялось, пока город дремлет, пока зеркала молчат, а стены не успели запомнить твой след.

Повозка представляла собой закрытую карету с плотными шторами и скрипящими колёсами. Внутри было тесно, но укутавшись в серый плащ с гербом рода – стилизованным корнем, уходящим в землю, удалось найти призрачное утешение. Грубая шерсть колола шею, зато пахла домом: пылью библиотек, свечным воском и лавандой из сундука матери. Этот запах, словно тонкая нить, связывал с тем, что осталось позади. Здесь, в тесном пространстве, он оставался единственным, что не давало почувствовать себя окончательно потерянной. Моим сопровождающим стал немой возникший по имени Стрейн. Он лишь кивал и хрипло свистел, указывая на повороты. Поскольку он знал дорогу, а я – нет, это одновременно пугало и успокаивало.

В пути провели два дня. За это время дороги становились хуже, деревья – выше, а воздух – холоднее. Постепенно цвета поблекли. Окружающий мир стал серо-зелёным, словно выцветшая карта, которую слишком долго хранили в сундуке. Камни, лес, небо – всё вымыло до полутонов, до безжизненной тишины. Я смотрела в щель между шторами и чувствовала, как этот край отталкивает меня, будто не желая моего присутствия.

На третий день впереди показался Северный Предел. Оказалось, это не стена, как в легендах, и не пропасть. Скорее, место, где дороги обрываются, словно мир сам решил, что дальше идти не стоит. Позади них – лишь тропы, изредка протоптанные людьми. Всё остальное оставалось диким, непокорным, древним. Что-то внутри меня сжалось. Это не просто земля. Это граница, за которой правила моего мира перестают действовать.

– Это уже север? – спросила я, высунувшись из повозки.

Стрейн не ответил. Вместо этого он лишь указал рукой вперёд.

Впереди расстилалась равнина, покрытая низкой серой травой. А вдали виднелись тёмные горы, будто застывший в воздухе дым, тяжёлый и неподвижный. Над ними кружили птицы – слишком большие для орлов; их крылья резали небо медленными, мощными взмахами. Я не знала, что это, и не хотела знать – от одного их вида по спине пробежал холод. Мы двинулись дальше.

К закату мы добрались до первого поселения Северного Предела – Гленмира. Это не город, а скупая деревня из восьми домов, сложенных из чёрного камня и грубого дерева. Здесь не было ни башен, ни флагов, ни зеркал. Только крепкие двери, круглые, похожие на настороженные глаза, окна и дымящиеся трубы. Местные не молились – они выживали. Глядя на эти дома, понималось, как далёк Линмарт с его светлыми залами и тёплыми отражениями. В этом месте не было места красоте – только силе, необходимой, чтобы противостоять тому, что скрывается в тени.

Ближе к вечеру карета остановилась. Толкнув тяжёлую, отсыревшую дверцу, я ступила на размокшую, утопанную колями землю. Низко нависавшее небо давило на плечи своей тяжестью. И в ту же секунду хлынул дождь – редкий, но ледяной, будто капли падали уже замёрзшими. Они кололи лицо, и я почувствовала, как холод проникает глубже кожи – напрямую в душу.

Здесь, оставшись одной, без защиты привычного мира, без отражений, напоминающих о том, кто ты, наступил момент полного одиночества. Натянув капюшон, я огляделась, и вдруг всё стихло. Не стало слышно ни воронья, ни шороха травы. Лишь глухой стук дождя о землю. Сердце замерло, словно мир затаил дыхание. Именно в этот миг взгляд упал на ЭТО.

На краю деревни, там, где дорога растворялась в слепящей пелене тумана, замерло нечто. Высокое, до неестественности тонкое, будто выточенное из самого мрака и тишины. Оно не двигалось, не дышало. Даже дождь не касался его – капли исчезали, не долетев. Лицо, если

оно было, скрывалось за дрожащим искажением, как в подпорченном зеркале. Но внезапно стало ясно: оно смотрит. Несуществующий взгляд прожигал насквозь. Тело не могло пошевелиться, лёгкие не могли дышать. Это не было человеком. Оно не было живым. Но оно знало, что я здесь.

Я замерла, и в это мгновение его не стало. Оно не ушло, а просто испарилось, словно никогда и не существовало. Туман снова превратился в обычный туман, а шум дождя вернулся, принеся с собой хриплый голос:

– Из южных, что ли? – произнес кто-то сбоку. – Не стоит здесь бродить в такое время. Проходи здесь не безопасно.

Я резко обернулась. Передо мной стоял старик с седыми космами, спутанными, как зимний бурьян, и холодными глазами. Он представился Талгаром, и в его речи чувствовался тягучий северный акцент. Затем я вошла в дом, где внутри было тепло и пахло рыбой, солью и чем-то терпким, незнакомым. Пол устилали грубые шкуры, вместо мебели стояли лавки и потертые временем сундуки, а на стенах не висело ни икон, ни картин – лишь ножи, костяные амулеты и пучки сушеных трав, которые покачивались, словно тени.

Я огляделась вокруг и ощутила, насколько чуждо мне это место. Ведь в Линмарте каждый дом – это зеркало памяти, а здесь стены хранили лишь холод и следы борьбы за жизнь.

– Вы одна приехали? – спросил он, наливая мне тёплого молочного отвара.

– Да, – кивнула я. – Я с Юга. Из Дома Белого Корня. Наблюдатель. Мне поручено изучить странности в этих краях.

Он хмыкнул, ставя передо мной кружку.

– Здесь всё странно. Даже ты – странная.

Я промолчала. Отвар был горьковатым, но согревал так, что мне стало всё равно.

Талгар молчал некоторое время, разглядывая мои руки.

– Хотя... Постой... Торговец из Стигвира был тут на той неделе, – проговорил он наконец. – Этот старик торгует всякими побрякушками и оберегами. – Он оторвал взгляд от моего деревянного браслета и добавил шепотом, – Он еще тот шарлатан, но у него глаза, как у ястреба. Видит больше, чем нужно.

Затем он медленно потянулся к своей трубке, набил её черной пылью, поджег от свечи и затянулся.

– Говорит, на тракте к перевалу нашли телегу. Без лошадей. Без колес. Без... – он сделал паузу, – без стекол. Все исчезло. Даже стеклянные вставки у фонаря и то куда-то испарились. Остался только деревянный каркас.

Он выдохнул густой дым, и я спросила:

– Думаешь, зверь?

– Если зверь – то очень умный. Ни следа. Ни звука. – Он сделал ещё затяжку и прищурился. Дым повис тяжёлой серой завесой. Старик не смотрел на меня – смотрел куда-то в угол, где плясало пламя лампы.

– Знаешь, – начал он глухо, – в нашем краю всё, что исчезает без следа, обычно не уходит. Оно прячется. Прячется – чтобы посмотреть, кто его вспомнит. Кто его боится. Кто назовёт.

Он понизил голос до скрипучего шёпота, будто боялся, что стены услышат:

– Был тут еще случай. Пастуха нашли в поле – босого посреди стужи. Глаза целы, а зрачков нет. Ни разу не моргнул. Просто сидел и шептал: «Я не смотрел. Я только мельком. Я не хотел.»

Потом – умер. Так и не моргнув. С глазами – как чёрные зеркала.

Талгар замолчал и стукнул по трубке пальцем. Пепел рассыпался по столу, словно прах.

– Я не из тех, кто верит в сказки. Вырос здесь, среди скал и бурь. Но... – затем он медленно повернулся ко мне, и в его взгляде не осталось ни усталости, ни насмешки. – Зеркала у нас не держат. Даже осколков не хранят. Всё, что может отразить, люди выбрасывают, или

зарывают в землю, или прячут в лёд. Не потому что приметы. Не потому что суеверия. Просто... тут всё иначе. Здесь отражение – не просто облик. Оно может задержаться и может начать жить само по себе.

Я перевела взгляд с его растрёпанной седой бороды на стену позади, где кто-то углём вывел огромное белое дерево. Корни его уходили в щели между половицами, в самую глубину дома, туда, где всё начинается.

– Был у нас плотник. Молодой, смышлённый. Зеркало себе привозное купил – жену порадовать. Красивое, старое, в раме из грушёвого дерева. Чистое. Очень чистое. – Он провёл ладонью по столешнице, будто выравнивая невидимую доску. – А через неделю с ним странное твориться стало. Говорит: «Просыпаюсь – а жена уже у зеркала стоит. Не двигается. Смотрит, будто не может оторваться. А я в нём себя вижу... другого. Словно это не я, а кто-то чужой».

Талгар сделал паузу, давая словам впитаться, а потом продолжил:

– На третью неделю он его разбил. Топором. Сначала стекло, потом раму, потом стену за ним. Будто боялся, что что-то уже пролезло внутрь и сидит там, в темноте между брёвнами.

Его слова, сперва показавшиеся байкой, отозвались во мне глухим эхом. Ведь в Доме Белого Корня некоторые зеркала тоже стояли лишь в одном крыле – старом, запечатанном. В детстве я заблудилась и вышла к той двери. Она была простой, без украшений, но от неё веяло таким холодом, будто за ней кто-то ждал. Не дышал – смотрел.

Я помню, как мать судорожно сжала мою руку, увела, а потом молча, долго мыла мне лицо ледяной водой. С тех пор она ставила блюдца с солью у всех окон. Тогда я не понимала. Теперь – начинала. Отражение – это не всегда ты. Иногда это нечто, что только учится быть тобой.

Я посмотрела на старика. Он замолчал, уставившись в пламя, и в его потухших глазах плясали отражения языков огня.

– Есть места, где земля глухо отзывается, если сказать что-то не то, – произнёс он наконец. – А есть такие, где ты сам услышишь с другой стороны то, чего никогда не говорил.

Талгар медленно поднялся, словно его кости стонали под тяжестью лет, подошёл к полке и снял небольшой узелок, перевязанный потертым кожаным шнурком.

– Вот возьми. Тебе нужнее. – Он аккуратно вложил мешочек из грубой мешковины мне в ладонь. – Подарок, так сказать. Оберег... Из кости полярного ворона и соли старой шахты.

– Спасибо, – тихо выдохнула я, ощущая под пальцами шершавую ткань. Мягко потянула за кончик шнурка...

– Стой! – Талгар рванулся с места, резко перехватив моё запястье. Его лицо посерело. – Не открывай!

Я замерла. Мешочек упал на стол, и внутри что-то глухо звякнуло.

– Что это? – прошептала.

– Это не просто оберег, – его голос дрогнул. Он медленно опустился на лавку и трясущимися руками пододвинул мешочек ко мне, с невероятной осторожностью, словно боялся потревожить дремлющее внутри. – Это сторож.

Я уставилась на свёрток, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Сторож?

– Ты его сделал? – спросила я непроизвольно вскинула бровь.

– Его не создали, – медленно, отчеканивая каждое слово, сказал он. – Его вынули. Из... того, что не видно. Между сном и явью. Между тем, что есть, и тем, что могло бы быть. – В Ледяных шахтах были ходы, – продолжил Талгар, – глубже, чем позволял разум. Туда спускались без света. Без звука. Один из таких ходов... шептал. – Он замолчал, вновь глядя в огонь.

– Шептал? – не удержалась я, не в силах отвести взгляд от оберега.

– Не словами. Нет. Не голосами. Эхо там возвращалось не твоими словами. – Он посмотрел на меня, и в его глазах плескалась бездонная тревога. – Оно отвечало тем, что ты мог бы сказать, если бы был кем-то другим. Если бы выбрал страх вместо смелости. Предательство

вместо верности. Талгар глубоко затаился, и дым окутал его старческое лицо похоронным саваном.

– Это место знало, кем ты мог стать, если бы оступился. И говорило с той версией тебя. – Он поднял на меня тяжёлый взгляд. – И знаешь... Некоторые... отвечали. Поэтому держи его завязанным. Развяжешь – он проснётся. Он чувствует, кто рядом. И от этого зависит, станет он тебя защищать... или испепелит там же, где был рождён.

Я молча, почти благоговейно, убрала мешочек в сумку. Он почти ничего не весил, однако плечо отяжелело, будто на него положили камень.

Ночью, лёжа на жёсткой кровати, я смотрела в заиндевшее окно, и думала о зеркалах. В Линмарте ночь жила в них. Они не просто отражали свет – они хранили память. В них оставались обрывки голосов, образы ушедших, следы чувств. Даже пустая комната в зеркале казалась обжитой, поскольку помнила каждого, кто в ней был. Это была наша защита. В своём доме я никогда не чувствовала себя одинокой. Зеркала напоминали мне, кто я.

Но здесь – пустота. Глухие стены, непроглядная тьма за окном. Мир будто не замечал, что в нём кто-то есть. Воздух был безвкусным и мёртвым. При этом это одиночество было не тихим и уютным, а гнетущим, абсолютным.

Утро пришло не с рассветом, а с тяжёлым, влажным ветром. Он выл в щелях дома, скрёбся в ставни, словно пытаясь выцарапать себе дорогу внутрь. Поднявшись, я ощутила, как колющий холод этого края впился в самое нутро, пройдя сквозь кожу и мышцы прямым в кости.

В низкой дверной арке кухни застыл Талгар. Казалось, он не спал вовсе – сидел у очага, сторбившись,пил густой отвар из потёртой кружки и смотрел в огонь, будто вёл с ним безмолвный, извечный спор. Тени от пламени плясали на его морщинистом лице, превращая его в древнюю каменную скульптуру, хранящую молчание веков.

– Уезжаешь? – бросил он, не оборачиваясь.

– Я должна, – ответила я, поправляя ремень сумки на плече. – Я видела это вчера. Оно здесь. Или совсем рядом.

– Ищешь то, что не хочет быть найденным, – старик отхлебнул своего варева, и лицо его исказила гримаса.

– Ты знаешь, что я ищу? – я сделала шаг вперёд, надеясь на намёк, на направление.

– Слышал про стекляшку, – буркнул он, не поднимая глаз.

– Это не просто стекло. – выдохнула я, взвешивая каждое слово. – Мне нужно найти то, что породило зеркало... Чрево Страха. Оно разбилось. Части разлетелись – и в каждом куске остались... они.

– Просто зеркало, – его вздох был тяжёлым, хотя во взгляде мелькнула тень узнавания.

– Это было не просто зеркало. Оно видело больше, чем положено. И то, что оно запомнило, начало жить собственной жизнью. Мне поручено найти и запечатать. А затем вернуть в Закрытое Крыло. Или...

Я хотела сказать: «или уничтожить». Однако язык не повернулся произнести это. Можно ли уничтожить то, что не желает быть забытым?

Талгар молчал так долго, что тишину разрывало лишь потрескивание поленьев. Наконец он повернулся.

– Ты не первая, кто его ищет. Но, возможно, последняя. Остальные... не вернулись.

– Думаешь, я не справлюсь? – встретила его слова прямым взглядом, в котором было больше отчаяния, чем уверенности.

Он выдохнул, будто ждал этого вопроса.

– Справишься. Но не в одиночку. Здесь ничто не исчезает окончательно. Всё забытое возвращается – к тем, кто способен это увидеть. А ты пока не умеешь. Не слышишь, как говорит этот мир.

– А кто слышит? – не отступала я.

Талгар медленно поднялся. Подошёл к стене, снял с крюка потрёпанный мешок и извлёк оттуда пожелтевшую карту, испещрённую тонкими, будто процарапанными когтями линиями. Он развернул её на столе, и от бумаги повеяло запахом сырости и времени.

– Вот, – его палец упёрся в точку без названия. Лишь знак: круг с перечёркнутым треугольником, вырезанный с пугающей точностью. – Это место зовётся Норваэль. Дальше – только лёд и пустота. Это даже не деревня. Это – остаток. То, что было здесь всегда, ещё до первых камней, до первого льда. Мы зовём их Ар-Кеат. Те, кто помнят до нас.

– Ар-Кеат? – Меня пробрала ледяная дрожь – Они... люди?

Талгар покачал головой, и в его глазах заплясали тревожные блики.

– Не совсем. Они – словно эхо того, что было до нас. Говорят на языке древнем, как треск ломающегося ледника.

– А это язык... – я запнулась. – Его можно выучить?

Талгар кивнул, но не сразу ответил.

– Можно. Но не так, как ты думаешь. Он не записан знаками и не учится через книги.

Он обернулся ко мне, и его лицо стало серьёзным:

– Чтобы понять их – нужно быть рядом. Долго. Слушать. Чувствовать.

Я молчала. Часть меня всё ещё цеплялась за надежду, что всё это – лишь страшная сказка. Но карта была настоящей. И взгляд Талгара – тоже. Он свернул её и протянул мне.

– Я покажу тебе дорогу. Представлю тебя им. Но дальше – пойдёшь сама. Ар-Кеат не любят лишних шагов.

– Ты ведь говорил, что только ты понимаешь их язык?

– Я – проводник. На остальное тебе должно хватить духа. – Он встал и приблизился вплотную. От него пахло мхом, дымом и вяленой рыбой. – Или зеркало так и будет сеять страх. – Старик слегка отстранил меня локтем, будто я загораживала проход, взял с вешалки потёртую бурку и набросил на плечи.

Мы вышли во двор, где уже стояли оседланные лошади. Моя, гнедая кобыла с умными тёмными глазами, беспокойно перебирала копытами, будто чувствовала моё напряжение. Я провела рукой по её шее, ощущая под пальцами тёплую кожу, и это на мгновение вернуло ощущение реальности. Сердце колотилось, отдаваясь глухим стуком в висках – не от страха, а от предвкушения неведомого, от осознания, что каждый шаг отныне ведёт в неизвестность.

Путь к Норваэлю пролегал через дремучие леса и безлюдные равнины, где ветер выл свои древние, тоскливые песни, от которых леденело внутри. Лошади бежали легко и уверенно, будто знали дорогу наизусть. Лишь сухой хруст веток под копытами да редкие птичьи крики нарушали звенящую тишину.

Сначала мы двигались сквозь лес – древний, будто веками не знавший топора. Исполинские деревья, поросшие седым мхом, сплетались ветвями в сплошной полог, скрывавший небо. Свет пробивался с трудом, сквозь хвойную чащу, и ложился на землю бледными, расплывчатыми пятнами. Воздух был холодным и свежим, но в нём висела густая, почти осязаемая тишина. Казалось, сам лес затаился и следит за каждым нашим шагом.

Постепенно чаща начала редеть, уступая место каменистым, безжизненным холмам – голым и серым, словно остовы древних великанов. Здесь ветер свистел яростнее, грубо цепляясь за острые выступы скал, выдувая из души последние остатки тепла. И вот там, внизу, в широкой долине, зажатой между уступами, показалось поселение.

– Гленсворт, – коротко сказал Талгар, и в его голосе не было ни тени тепла.

Деревня была пустой. Слишком пустой. Дома стояли невредимы, но двери были расплахнуты, будто их вырвало с корнем неведомой силой. На улицах валялись детские игрушки, опрокинутые вёдра, клочья сорванной ткани. Картина была такой, словно все жители разом испарились, бросив свою жизнь на произвол судьбы.

Мы спешили. Лошади фыркали, упираясь и кося глазами, будто чувствовали то, что было скрыто от нас. Земля под ногами казалась мёртвой, даже трава росла чахлая и блеклая.

– Ничего не трогай, – предупредил Талгар, и его голос прозвучал неестественно громко в этой гробовой тишине.

Подойдя к первому дому, я толкнула калитку. Дверь поддалась с протяжным, леденящим душу скрипом – звуком, который застыл в мёртвом воздухе, не желая рассеиваться, будто последний крик, застрявший в горле.

Внутри висела странная тишина – не обычная, а выжидающая, тяжёлая, как перед бурей. Мои шаги гулко отдавались в неподвижности, и мне почудилось, будто стены прислушиваются к ним. Я заметила, что стол был накрыт: зачерствевший хлеб, миска с засохшей кашей, деревянная ложка, покрытая слоем пыли. На полу лежал опрокинутый стул, а рядом – кукла с выколотыми глазами. Кожа на моих руках покрылась мурашками: в куклу яростно, с какой-то слепой ненавистью, тыкали чем-то острым, оставляя чёрные, рваные отметины.

Сделав шаг вперёд, я заметила книгу на кровати. Она была раскрыта на середине, страницы вросли в липкий слой пыли и... чего-то тёмного, засохшего. А на полях дрожащей рукой кто-то выводил одно и то же слово, снова и снова:

«Не смотри. Не смотри. Не смотри...»

– Смотри, – тихо произнёс Талгар, указывая на зеркало в углу, и в его голосе впервые прозвучала неуверенность.

Стекло было треснуто, и паутина трещин расходилась из центра, будто по нему били изнутри, царапая острыми когтями. А за ним клубилась вязкая, густая тьма, похожая на медленно пульсирующую воду, и в этих тенях чудилось движение.

Я подошла ближе и с холодным ужасом осознала, что в зеркале нет наших отражений. Лишь пустая комната за моей спиной, в которой на мгновение мелькнула и исчезла чужая тень.

– Это они? – выдохнула я.

Талгар лишь кивнул, и его лицо стало похоже на каменную маску.

– След Чрева, – продолжила. – Оно забирает не только людей. Оно пожирает саму память о них. Всё остаётся на месте... но душа уходит. Как тело, из которого вынули сердце.

Я отшатнулась от зеркала и взгляд упал на пол. У самого порога отпечатались босые детские следы. Но на каждом отпечатке были странные метки, будто чьи-то крошечные пальцы впились в ступни и потащили ребёнка прочь.

Мы вышли на улицу. Ветер поднялся внезапно и злобно, хлопая тряпьем на верёвках. Они трепетали и бились о столбы, и этот звук напоминал шёпот – низкий, прерывистый, полный чужих слов. Я замерла, прислушалась – и на миг мне показалось, что я различаю голоса. Сотни голосов, нащёптывающих что-то на забытом языке, от чего кровь стыла в жилах.

– Пошли, – резко оборвал Талгар и почти силой толкнул меня к лошадям.

– Ты слышишь это?.. – я не успела договорить.

– Слышу. Поэтому мы уезжаем. Сейчас.

Покидая деревню, я в последний раз обернулась – и на коньке крыши крайнего дома увидела фигуру. Высокую, неестественно худую, вырезанную из самой темноты. Она не двигалась, но я чувствовала её взгляд – тяжёлый, давящий, леденящий. А через мгновение фигура просто растворилась в воздухе, будто ничего и не было.

Дальше дорога вела через другие покинутые деревни, и каждая хранила свой след ужаса. Где-то двери были выбиты внутрь, а стены исчерчены глубокими царапинами, будто по ним скреблись когти чудовищного зверя, и от них исходил сладковатый, тошнотворный запах тления. В другой – колодцы были наглухо завалены булыжниками, словно люди пытались запереть что-то, что могло выйти из глубины. *Что они там увидели?* – мелькнула мысль, от которой холодок страха сжал сердце. Стало ясно – это была работа Чрева.

К закату мы ехали молча. Лес отступал, уступая место высоким холмам, а впереди уже начинали выситься скалы, чьи тени ложились на землю длинными острыми когтями. Воздух стал холоднее и гуще, и чудилось, будто древние камни шепчут свои немые истории. Ветер доносил обрывки звуков – то ли стон, то ли далёкий вой, – и я машинально сжимала поводья, чувствуя, как тревога сковывает плечи.

– Встанем здесь, – сказал Талгар, и в его привычной сдержанности я уловила ноту насто-роженности. Он свернул к реке, где вода текла медленно, тягуче, и казалась неестественно чёрной, бездонной.

Распрягли лошадей. Талгар занялся костром – он работал спокойно и уверенно, будто делал это тысячи раз. Треск сучьев и ровное дыхание коней немного успокаивали, но напряжение в воздухе не исчезало, а лишь сгущалось. Казалось, сам лес притаился и наблюдает.

Я подошла к воде, наклонилась, чтобы зачерпнуть пригоршню, и застыла. Отражение вело себя не так. Волны шли не от моей руки, а из глубины, медленно и вязко, будто вода превращалась в чёрную смолу. Подняла голову, огляделась – вокруг царил тишина, лишь костёр трещал за спиной, отбрасывая на воду беспокойные блики.

Но в реке... я была не одна. Рядом с моим силуэтом проступило другое лицо. Не лицо – искажённая пародия на меня. На месте глаз зияла пустота, губы были стёрты в тонкую черту, а волосы стекали вниз чёрными, липкими прядями, словно пытаюсь дотянуться до меня сквозь поверхность.

Я остолбенела. Отражение подняло руку на мгновение раньше, чем я смогла пошевелиться, будто именно оно диктовало мои движения. Вода забурилась. В глубине зашевелились другие тени – вытянутые, безликие, затонувшие в бездне. Они не двигались, но я чувствовала их взгляд – пронзительный, леденящий.

«Лирель...» – прозвучало у меня в голове моим же голосом, но беззвучно.

Я отпрянула так резко, что поскользнулась на мокрых камнях и упала. Ледяные брызги хлестнули в лицо, видение исчезло. Передо мной была лишь река – чёрная, бездонная, как сама Глубь. Сердце колотилось, рвалось из груди. *Оно знает. Оно знает, что я иду.*

– Лирель! – Голос Талгара вернул меня к действительности. Он подбежал с факелом в руке; пламя яростно рвалось в темноту. – Что случилось?

Я с трудом поднялась.

– Она... смотрела на меня. Та... другая я. – Голос срывался, меня била мелкая дрожь.

Талгар нахмурился, поднёс факел к воде. Огонь осветил лишь пустую, тёмную гладь.

– Не подходи к воде одна, – сказал он твёрдо, без колебаний. – Иди к огню.

Он не стал ждать, развернулся и зашагал прочь, к нашему лагерю. Я бросила последний взгляд на чёрную гладь, всё ещё чувствуя на себе бездушный взгляд своего отражения, и дрожа поплелась за ним. Тепло костра встретило меня сначала как слабый намёк, а затем обняло горячим, живительным воздухом. Я опустилась на колени прямо на землю, протянув к пламени окоченевшие руки.

Обняла себя, пытаюсь согреться. Сидя у костра, смотрела на пламя и думала о нелепости своего положения. Дочь Дома Белого Корня, воспитанная среди шёлков и древних книг. Та, что училась языкам и этикету. Теперь – грязная, испуганная, затерянная в краю, где самые страшные сказки оказываются былью.

Я провела руками по лицу – кожа бледная, тонкая, нос прямой, губы такие узкие, что иногда казались невидимыми. В каштановых волосах запутались хвоинки. Дорогая замшевая куртка была в грязи и потёртостях, а мягкие шерстяные штаны-гетры и тонкая рубаша пропитались запахом дыма и влажной земли. Сапоги из тончайшей кожи теперь насквозь промокли и покрылись налётом от дорожной пыли.

– Ты выглядишь так, будто увидела мертвецов, – прокомментировал Талгар, садясь напротив.

– Почти, – ответила я.

Я хотела что-то добавить, но в этот миг из непроглядной темноты леса донёсся хруст. Чёткий, сухой, как щелчок кости под ногой. Затем – ещё один. Талгар резко вскинул голову и мгновенно замер. Вся его старая, подсушенная фигура напряглась, словно пружина, сжатая за долю секунды. Из уставшего проводника он вмиг превратился в сторожевого ястреба – неподвижного, но видящего всё. Шаги приближались – медленные, размеренные, целенаправленные. Звук шёл словно из тоннеля, хотя вокруг нас была сплошная стена деревьев.

Костёр затрещал тревожнее, и пламя внезапно опало, будто кто-то высасывал из него жизнь.

– Это оно? – выдохнул Талгар.

– Нет, – тихо ответила я. – Оно само не ходит. Оно смотрит. *И ждёт*, – мелькнуло у меня в голове, и я почувствовала, будто то самое отражение из реки сейчас стоит у меня за спиной.

Лес расступился, и в свете костра возникло Оно. Сухое, жилистое тело в блестящей натянутой коже, под которой пульсировали тусклые, больные огни. Непропорционально длинные лапы заканчивались изогнутыми крючьями острыми, как бритва. Вместо морды – костяной клюв, а под ним тонкая щель рта, из которой доносился звук, похожий на скрежет стали по стеклу.

– Что это?.. – старик едва шевелил губами.

– Хищник. Клесс, – выдохнула я, сжимая ладонь на рукояти ножа. – Его сюда вытолкнуло. Такие, как он приходят туда, где Чрево уже коснулось земли.

Я никогда не встречала их, но читала описания в летописях Искательниц. На картинках они выглядели иначе, чем наяву.

Чудовище подняло голову, устремив на меня слепые глазницы. Оно моргнуло, и в глубине впадин вспыхнул жёлтый свет – иллюзия, обман зрения. Я знала: Клесс не видит. Он слышит. Чувствует. Ощущает страх, как запах крови. Огонь костра дрогнул, будто задышался под его незрячим взглядом. Я сделала шаг назад, и холодная игла пробралась под кожу.

Талгар рванул к мешку.

– Замри! – крикнула я, и голос предательски сорвался. – Если дальше побежишь, оно почует движение и догонит.

Существо двинулось вперёд. Его свист стал выше, тоньше – словно натягивалась струна, готовая лопнуть. Я метнулась к своей сумке, пальцы дрожали так, что я едва развязала тесёмки. Нашупала кожаный мешочек с рунами Белого Корня – маленькими пластинками, вырезанными из корней того самого дерева, что дало имя нашему Дому.

Высыпала руны на землю. Они разлетелись веером и начали двигаться сами, повинаясь невидимой силе. *Щёлк. Щёлк.* Символы складывались в древний знак. Талгар смотрел на это, сжимая свой нож, и в его глазах читалось одно чистое недоумение.

– Что ты делаешь?!

– Читаю, – коротко бросила я, вставая на колени. Руны продолжали свой танец. Последний щелчок – и центральная пластинка заняла своё место.

Символ был ясен: *жилы*.

Удар в них остановит Клесса.

– Нужно целиться в его жилы! – крикнула я.

Старик посмотрел на меня, как на безумную, ещё крепче сжав рукоять ножа.

– Ты в своём уме? Оно в три раза больше нас! Нам его не одолеть! Нужно уходить!

Но я знала – бежать бесполезно. Клесс повернул голову на звук его голоса и рванул. Я схватила из костра обугленный прут и, когда существо пронеслось мимо, со всей силы вонзила его в пульсирующую светящуюся жилу на боку. Но кожа оказалась прочнее, чем думалось. Древесина с противным хрустом вошла лишь наполовину. Клесс взвыл и изогнулся, пытаясь достать до меня клювом, а затем рванул в сторону, сбивая меня с ног.

Я ударилась о землю, и мир уплыл в туманную дымку. Сквозь нарастающий звон в ушах услышала хриплый крик Талгара. Едва подняв голову, увидела, что торчащий из бока Клесса прут тлеет, разъедая края раны. Существо, обезумев от боли, развернулось, нацеливаясь на меня. И в этот момент старик, отбросив весь свой страх, сделал то, на что я уже не была способна – он метнулся вперёд и изо всех сил всадил свой нож по рукоять в другой бок, и попал прямо в жилу.

Раздался не визг, а короткий, сухой хлопок – будто лопнул натянутый пузырь и свет в жиле погас. Тело Клесса дёрнулось в чудовищном спазме, замерло на секунду в воздухе и рухнуло наземь, тяжело и нелепо, как брошенная тряпичная кукла.

Мы долго стояли, вживаясь в наступившую тишину. Опустившись на колени, я начала собирать руны обратно в мешочек. Они снова были холодны и безжизненны, будто их сила иссякла.

– Что это было? – хрипло спросил Талгар. – Эти... палочки?

– Руны Белого Корня, – ответила я, чувствуя, как предательски дрожат мои руки. – Их вырезали из корней древнего дерева. Оно погибло тысячи лет назад, но его корни всё ещё связаны с памятью земли. Руны не врут и не утешают – они показывают правду. Но только тому, кто умеет её читать.

Талгар посмотрел на то, что осталось от Клесса, и покачал головой.

– А если бы они сказали, что победить нельзя?

– Тогда они бы показали, как выжить, – тихо ответила я, хотя и сама почувствовала холод от его вопроса.

Они никогда не подводят, – подумала я, затягивая шнурок мешочка.

Ночь прошла на удивление спокойно. После того как тело Клесса растаяло в холодной траве, оставив лишь едкий, горький запах, мы с Талгаром больше не подкидывали дров и почти не разговаривали. Тишина леса была не пустой – в ней чувствовалась настороженность, будто сама земля затаилась и ждала, сделаем ли мы следующий шаг. Я спала урывками, прислушиваясь к каждому шороху, и только рассвет принёс слабое облегчение.

Утром, когда туман ещё стелился по земле лохмотьями, мы отправились дальше. Лошади шли бодро, их копыта глухо стучали по промёрзшей, жёсткой дороге. Лес медленно редел, открывая вид на поросшие вереском холмы и чернеющие вдали скалы, чьи вершины терялись в низких свинцовых облаках. Я смотрела на этот суровый Север и вдруг спросила:

– Кто они, Ар-Кеат?

Талгар молчал так долго, что я уже подумала – не услышал. Но он лишь медленно выдохнул белую струю пара, словно решал, с чего начать.

– Они – древний северный род. Стражи. Жили здесь задолго до того, как первые из наших предков пришли на эти земли. Не маги и не боги, но и не совсем люди. Сильнее нас: выносливее, быстрее, острее чувствуют. Залечивают раны, которые убили бы любого из нас, и знают, как выжить там, где обычный человек не продержится и дня.

– Они похожи на нас? – я не отводила взгляда от его лица, выискивая малейшую тень неискренности.

– Внешне – да, – кивнул Талгар. – Но ты сразу поймёшь, что они другие. Кожа у них холодная, как речной камень на рассвете, и плотная, будто высечена из гранита. Глаза... особенные. Будто в них светится уголёк или отражается лёд. И почти у всех – татуировки или метки на теле. Каждая что-то значит. Это их летопись – история их силы и то, через что они прошли.

– Ты хочешь сказать, что они живут вечно?

– Не вечно, но дольше нас в разы, – он чуть приподнял плечо, словно ему и самому было трудно в это поверить. – Сотни лет. А иные, говорят, и тысячи. Не бессмертные, но с возрастом становятся только сильнее и мудрее. Они видели такое, что нам и не снилось.

– Ты встречал их раньше? – слова сорвались с губ сами, прежде чем я успела обдумать их. Он кивнул, и в его взгляде мелькнула тень прошлого.

– Было время, я потерял всех, кого любил. Скитался, не понимая, зачем живу. И однажды забрёл в самую глубь Севера. Нашёл их... Или они нашли меня. Не знаю. Они не говорили со мной, пока я не научился молчать и слушать. И тогда один из них подошёл и сказал: *«Люди слышат только то, что не хотят забыть. Всё остальное – исчезает.»*

Я хотела спросить больше, но Талгар поднял руку, призывая к тишине. Его взгляд устремился вперёд, к скалам, где туман сгустился, принимая странные, почти живые формы.

– Норваэль, – произнес Талгар, и его голос прозвучал так глухо, будто само ущелье отозвалось на это имя.

Мы въехали в ущелье, и мир сжался до узкой щели между двумя древними стенами скал. Оно возникло внезапно, словно земля раскололась здесь в незапамятные времена и так и осталась разбитой. Отвесные каменные громады нависали над тропой, безжалостно сжимая её в тиски. Воздух стал тяжёлым, влажным и отдавал холодным железом, а древнее дыхание камня – пылью веков и влажным мхом – пропитало всё вокруг. Гулкое эхо, вторившее каждому шагу наших лошадей, было похоже на недовольные вздохи самой теснины, возмущённой нашим вторжением.

Я невольно вжала голову в плечи под давлением этой немой каменной ярости. Казалось, эти великаны, покрытые шрамами-трещинами и ключьями лишайника, лишь на мгновение замерли, чтобы в следующий раз обрушиться. Взгляд выхватил движение на одном из уступов – тень метнулась в сторону, заставив сердце болезненно сжаться. Но это был лишь обман света и камня, причудливый выступ породы.

Ветер скользил меж скал, холодными пальцами касаясь шеи, будто шепча забытые слова. На миг мне явственно послышался голос матери: «Не смотри вглубь камней. Они видят». И я резко тряхнула головой, отгоняя наваждение.

– Держись ближе, – тихо бросил Талгар.

Зачем я здесь? – пронеслось в голове, но ответ был горьким и давно знакомым.

Внезапно ущелье раскрылось. Скалы расступились, открыв небольшую площадку, со всех сторон окружённую обрывами и чёрными еловыми зарослями. Впереди, в дымке наступающих сумерек, застыли несколько силуэтов – высоких, недвижимых, будто высеченных из самого гранита.

– Ар-Кеат, – прошептал Талгар, будто боясь нарушить здешнюю тишину, пропитанную древней, незнакомой силой.

Я сжала поводья так, что кожаные перчатки затрещали. Мы продвигались вперёд всё медленнее, а сердце колотилось всё громче, отдаваясь в висках. Здесь даже воздух был другим – вязким, обжигающе ледяным.

Когда мы остановились у края площадки, один из силуэтов шевельнулся. Это был мужчина, выше Талгара на две головы, с железной осанкой воина и тёмными волосами, собранными в короткий практичный хвост. Его карие глаза, в которых отражались языки пламени далёкого костра, смотрели на меня холодностью льда. Когда мы приблизились, я разглядела сложные татуировки, опоясывающие его руки и шею – это были не просто узоры, а ряды ритуальных отметин, и каждая, казалось, хранила свою историю.

Он сделал шаг вперёд, и весь лагерь замер, повинувшись незримому приказу. Талгар обернулся ко мне, его лицо было серьёзным:

– Это Каэль. Здесь его слово – закон. Он видит куда больше, чем говорит.

Я лишь кивнула, стараясь скрыть подступающий страх, но внутри всё сжалось в тугую комок. Каэль лишь резко вскинул подбородок, указывая на свободное место у костра.

– *Sarn.* (**Сарн**) – Садитесь.

Я вопросительно посмотрела на Талгара.

– Он сказал, чтобы мы садились, – коротко пояснил старик и повёл свою лошадь в указанном направлении.

Я последовала за ним, отчётливо чувствуя, как взгляды Ар-Кеат буквально прожигают мне спину, словно ледяной ветер Норваэля.

Слева от костра, чуть в стороне, тренировалась высокая худая женщина с коротко стриженными тёмными волосами. Она оттачивала движения с длинным луком, и стрела за стрелой с глухим звуком вонзались в деревянный столб. Её движения были выверенными и смертельно грациозными, как у хищной птицы, выслеживающей добычу. Когда я проходила мимо, она медленно обернулась и задержала на мне свой взгляд. Её серо-синие глаза были точной копией замёрзшего озера – красивые, но бездонные и холодные.

– *Vi solk et?* (**Ви сольк эт?**) – Ты знаешь, куда идёшь?

Её голос был тихим, но резким, как свист рассекаемого воздуха. Я замерла, не понимая ни слова.

Талгар бросил на меня короткий оценивающий взгляд:

– Инара. Следопыт. Она редко тратит слова попусту.

Я кивнула в знак приветствия, но Инара уже отвернулась, вновь натягивая тетиву. Кажется, я была не более чем тенью, мелькнувшей на её пути.

Внезапно костёр треснул громче обычного. Я вздрогнула, но сразу поняла – это не огонь, а чьи-то намеренно тяжёлые шаги. Из тени выступил вперёд мужчина с массивным телосложением и тяжёлым, испытующим взглядом. Его потёртая кожаная безрукавка, сплошь покрытая зарубками, почти сливалась со множеством шрамов на мощных руках. Лицо – суровое, с острым подбородком и короткой щетинистой бородой, будто вырубленное топором из цельного куска гранита. Он остановился прямо напротив меня и уставился, не моргая, будто видел насквозь. Его зелёные глаза наверняка заметили мою дрожь, и учащённый пульс.

– *Kher et? Miren saan draar.* (**Кхер эт? Мирен саан драар.**) – Кто она? Она пахнет страхом.

Я перевела взгляд на Талгара, чувствуя, как ладони становятся влажными внутри перчаток.

– Спрашивает, кто ты... Говорит, от тебя страхом пахнет, – без эмоций перевёл старик. – Не бойся. Это Эрон, – спокойно сказал Талгар. – Он всегда говорит то, что думает.

Эрон лишь едва заметно кивнул, оценив меня последним взглядом, и прошёл мимо, устроившись у костра. Там он принялся делать рукоять своего топора, и звук дерева слился с треском огня. Стало ясно – этот человек с одинаковой лёгкостью мог починить свой инструмент или сломать любого из нас, даже не дрогнув.

Последним из тени вышел мужчина, почти не вооружённый. На нём был тёмный плащ, плотно облегающий плечи и скрывающий фигуру. Мне пришлось запрокинуть голову, чтобы встретиться с его взглядом – он был на голову выше меня.

Его шаги были мягкими, текучими, как у тени, скользящей по земле. Он остановился так близко, что я почувствовала тепло его дыхания. Лёгкая улыбка скользнула по его губам, и он медленно провёл взглядом от моих глаз к волосам, будто изучал меня, как древний свиток. Его собственные волосы, чёрные как смоль, были собраны в небрежный узел, от которого по вискам и на лоб спадали несколько прядей, обрамляя смуглое лицо с высокими скулами. Глубокий, узкий разрез его глаз, в которых играли отсветы пламени, лишь усиливал это впечатление.

– *Et vel miren. Miren tahr.* (**Эт вел мирен. Мирен таар.**) – Она красивая. Её душа говорит правду.

Я удивлённо вскинула бровь, ожидая перевода от Талгара, но старик лишь хрипло хмыкнул:

– Лиан. Не пытайся понять его с первого раза. Он любит путать.

Мы устроились у костра, но напряжение не спадало. Каэль так и остался стоять в полумраке, недвижимый, подобно глыбе, высеченной из самой ночи. Свет от пламени скользил по контурам его фигуры, выхватывая из тьмы резкие скулы и твёрдые, напряжённые мышцы шеи.

– *Tahr na kaar. Na seal.* (**Тахр на каар. На сеал.**) – Мы знаем, что правила были нарушены. Жертвы не было, – слова Каэля прозвучали приговором, тяжёлым и окончательным.

Я не понимала смысла, но ледяная интонация не сулила ничего хорошего.

– *Har Lirèl. Tahr et Dar Norveth. Kaar tor et?* (**Хар Лирель. Тахр вел Дар Норвэт. Каар тор эт?**) – Мы знаем, кто она. Это Лирель из Дома Белого Корня. Зачем ты привёл её сюда? – продолжил он, и его взгляд, острый, как лезвие, впился в Талгара.

– *Na sel miren. Et kaar draar.* (**На сел мирен. Эт каар дар.**) – Нам не нужна её помощь. Они всё это заварили, – Эрон шумно выдохнул и поднялся. Его широкая тень качнулась, заслонив на мгновение огонь.

Он шагнул вперёд, держа топор в опущенной руке так естественно, будто тот был продолжением его тела. Голос его был тих, но в нём звенела сталь. Пламя дёрнулось, и глубокие тени на его лице сдвинулись, превращая лицо в маску живой угрозы.

Даже не понимая слов, было понятно: моё присутствие здесь – как заноза.

Талгар медленно поднялся во весь рост.

– *Vel ha'rak, et draar. Miren solk kaar et. Na miren – na seal.* (**Вел ха'рак, эт драар. Мирен сольк каар эт. На мирен – на сеаль.**) – Вы не справитесь. Она знает, как запечатать эту тварь. Без неё – не выйдет, – возразил Талгар, глядя на Каэля.

Инара коротко и резко рассмеялась. В этом звуке не было веселья – лишь одна сплошная насмешка, сама по себе, говорящая яснее любых слов: смешно, нелепо, жалко. Она повернулась, опуская лук, и её холодный взгляд упёрся в меня. В нём плясала не радость, а жёсткая, точная насмешка охотницы, видящей слабость добычи.

– *Vel vi solk? Et sel thin.* (**Вел ви сольк? Эт сел тхин.**) – Помочь нам? Она же тощая.

Она склонила голову набок, точно ястреб, разглядывающий дрожащего воробья. Уголок её губ чуть дрогнул.

– *Na. Et miren vaar kelth. Miren kaar seal. Et miren vaar klesaan.* (**На. Эт мирен ваар келтх. Мирен каар сеаль. Эт мирен ваар клесаан.**) – Нет. Она многое знает. Я уверен, она поможет. Её знания – ключ к тому, чтобы загнать зло обратно, – твёрдо парировал Талгар, поднося руку к сердцу. Он смотрел только на Каэля, зная, где здесь настоящая власть.

Каэль лишь хмыкнул, его лицо оставалось каменным. Он отошёл к старой ели, на мгновение положил ладонь на шершавый ствол и что-то прошептал, словно советуясь с деревом. Затем развернулся ко мне. Его взгляд был тяжёк, как приговор. В его руке внезапно оказалось чёрное копьё с зазубренным, матовым наконечником – оно возникло так стремительно, что глаз не успел уследить за движением. Это не было волшебством – просто движение его было столь быстрым и неуловимым, что оружие будто само материализовалось у него в руке. Каэль опёрся на древко, подчёркивая вес своих следующих слов.

– *Serai vi. Et khal en. Miren saan kelth.* (**Серай ви. Эт кхал эн. Мирен саан келтх.**) – Хорошо. Она пойдёт с нами. Надеюсь ей хватит храбрости.

Талгар едва заметно кивнул, и в этом движении читалась не радость, а глубокая усталость. Мои глаза метались по лицам стражей, безуспешно пытаясь понять, что меня ждёт. Взгляд умоляюще остановился на старике.

– Теперь ты пойдёшь с ними, – тихо сказал он.

Лиян ухмыльнулся, будто понимал, о чём говорит Талгар.

– А ты? – голос мой дрогнул, выдав страх. – Я не понимаю их! Как мы пойдём вместе?

– Ты будешь одна. Я не страж, как они. Не учёный наблюдатель, как ты. Я всего лишь старик, умеющий держать серп. Моё место – в Гленмире.

Я кивнула. Не от согласия, а от бессилия. Каэль отвернулся, его фигура мгновенно растворилась в тени, видимо разговор и правда был окончен.

Талгар сделал шаг ко мне и наклонился так, что слова прозвучали лишь для меня одной:

– Слушай внимательно. Ты научишься. Поймёшь. И запомни главное: они не прощают слабости.

Он не сказал «ошибка» – и от этой точности стало ещё холоднее.

Мои губы сжались в тонкую нить. Лиян всё так же наблюдал за мной. Его тёмные, прищуренные глаза будто читали то, что я сама старалась забыть.

Эрон, не отрываясь, водил точильным камнем по лезвию топора. Огонь костра отражался в стали – кусочек живого пламени в его руках. И мне вдруг показалось, что он видит меня, не поворачивая головы. Просто... чувствует.

– *Solk ven draar. Na selth.* (**Сольк вен драар.**) – Уйдём на рассвете. – Сказала Инара, опустив лук.

Я уставилась в огонь. Он не осуждал и не жалел. Талгар сунул мне в руку сухарь и полоску вяленого мяса. Я взяла и лишь тогда заметила, как дрожат пальцы. Жёсткая пища царапала горло, а внутри всё сжималось от холода и одного-единственного вопроса: справлюсь ли?

Глава 2

Меня разбудил пронизывающий холод, заставивший ёжиться каждым мускулом. Костёр догорал, оставив после себя лишь горсть багровых углей, отдающих остатки тепла неровными, прерывистыми волнами. Воздух был густым и влажным, пропахший дымом, хвоей и... чем-то съестным, от чего в животе неприятно засосало.

Приподнявшись и отряхнув сбившийся плащ, окинула лагерь взглядом. У потухающего огня сидел Эрон. Неожиданно – он готовил. Над треногой висел котёл, из которого поднимался густой пар, пахнувший копчёным мясом, кореньями и горьковатыми травами. Неспешно помещивая варево, он подбросил щепоть чего-то тёмного, и похлёбка тут же ответила сердитым, живым бульканьем.

Я невольно втянула носом манящий аромат, и желудок предательски заурчал.

Талгара нигде не было видно. Он ушёл до рассвета, как и говорил. Лиян сидел под навесом из еловых лап и с видимой ленью точил кинжалы. Но в его расслабленных движениях сквозила смертельная точность. Рядом с ним на кожаном плаще лежали с десятков отточенных кинжалов, поблёскивавших в косых лучах утреннего солнца. Он поднял один из них, повертел на свету и тихо произнёс:

– *Sae'nol* (**Саз'нол**) – *Шёпот ночи*.

Я замерла, пытаюсь понять, с кем или с чем он говорит.

– *Ser mor tal Sae'nol... Nira kel et thal.* — (**Сэр мор таль Саз'нол... Нира кель эт таль.**) – Я зову их Шёпотом ночи... Потому что ты даже не поймёшь, что уже мёртв.

Он резко поднял на меня взгляд. Всего на долю секунды его глаза вспыхнули алым – и тут же потухли, став обычными. Лиян усмехнулся уголком рта и снова принялся за своё занятие.

Я вздрогнула от внезапных шагов позади. Инара подошла бесшумно, подобрала с земли какой-то металлический инструмент из разложенных вещей Лияна, покрутила в пальцах и убрала за широкий пояс. Затем поправила высокий сапог и бросила:

– *Mir lun draar. Et sai nerel.* – (**Мир лун драар. Эт сай нэрэль.**) – Ты её напугал. Она чуть не сбежала. Она хрипло рассмеялась и направилась к котлу. Нагло зачерпнув ложкой прямо из кипящего варева, Инара глотнула, обожглась и тут же выплюнула.

– *Vel sai kel? Ser mir et doraan!* – (**Вэл сай кэль? Сэр мир эт дораан!**) – Что ты делаешь? Видишь же – оно ещё не готово! – возмущённо крикнул Эрон, делая шаг в её сторону.

Инара поморщилась:

– *Solk draar. Vel sai kel sai shaal.* – (**Сольк драар. Вэл сай кэль сай шааль.**) – Не страшно. Ты всё равно пересолил. – Хмыкнула она и пошла прочь.

Эрон буркнул что-то нечленораздельное себе под нос и снова принялся мешать похлёбку. Опустив ту же ложку в котёл, он попробовал и твёрдо заявил вслед:

– *Na shaal et doraan. Nira kel et sael.* – (**На шааль эт дораан. Нира кель эт саэль.**) – Ничего не пересолено. Ты ничего не понимаешь. – Он резко повернулся к уходящей Инаре. – **Vel sai thal? Kel tal nerel.** – (Вэл сай таль? Кель таль нэрэль.) – Не нравится? Иди сама готовь.

Я наблюдала за этой сценой, не понимая ни слова. Внутри всё сжималось от этого чужого языка, от их взглядов, от той лёгкости, с которой они перебрасывались фразами, для меня бывшими лишь бессмысленным набором звуков. *Словно стеклянная стена, через которую всё видно, но ничего не слышно.* Мне отчаянно хотелось не просто заплакать, а просто раствориться, исчезнуть. Сделав глубокий вдох, удалось взять под контроль дрожь в руках.

Каэль возник из чащобы под самый полдень, и от его вида веяло тишиной дальних троп. С лица ещё не сошла глубокая задумчивость, когда он привычным жестом отряхнул с рукава потрёпанного плаща налипшие иглы. Вся его одежда – простая, поношенная, лишённая вся-

кой позолоты – говорила о долгих дорогах, а не о показной храбрости. В расстёгнутом вороте мелькнула белая туника, и на мгновение стало видно, как по её краю бежит тонкий синий узор, похожий на застывшие волны или петли ветра – древний знак, незнакомый мне, но говорящий о чём-то древнем и умиротворяющем. У пояса, как часть его самого, висел неброский кинжал в потертых ножнах – рабочий инструмент, а не побрякушка.

Он замер на границе света и тени, прислушиваясь к лесу, и у костра моментально стихли все разговоры. Затем Каэль шагнул вперёд и остановился на краю нашего лагеря.

– *Thir. En Tir-Hallen vaad khal* — (*Тхир. Эн Тир-Халлен ваад кхал.*) – Собираемся. Путь держим в Тир-Хален. – объявил он, не повышая голоса.

Лиян молча кивнул, принявшись убирать кинжалы. Тем временем Эрон стал заливать костёр, методично сбрасывая вещи в походную сумку. А Инара уже стояла рядом с командиром – будто заранее знала его приказ. Никто не задавал вопросов, не спорил и не высказывал своего мнения.

Ненадолго задержав на всех тяжёлый взгляд, Каэль повернулся к Инаре и тихо, но чётко сказал:

– *Ser'raan kel. Sai venel tal Liriel.* – (*Сэр'раан кель. Сай вэнэль таль Лириэль.*) – Ты пойдёшь впереди. И приглядишь за Лирель.

Инара фыркнула, высокомерно скрестив руки на груди.

– *Nira lun thal? Mir sai nor naan.* — (*Нира лун таль? Мир сай нор наан.*) – С какой стати? Я ей не мать.

Не удостоив её ответом, Каэль тут же отвернулся, будто вопрос был решён раз и навсегда.

Снова подкатившая к горлу тревога смешалась с ощущением полной беспомощности. Они переглядывались, отдавали распоряжения, собирали вещи... А я стояла посреди этого хаоса, абсолютно беспомощная и непонимающая.

Сделав шаг вперёд, удалось выдавить из пересохшего горла только:

– Что вы... Что вы собираетесь делать? Куда мы идём?

Стражи Ар-Кеат переглянулись.

Усмехнувшись, Лиян повернулся к лесу и крикнул всего одно слово:

– *Tarren* – (**Таррен**) – Таррэн.

Следующие несколько секунд ничего не происходило. Но вдруг земля под ногами едва заметно дрогнула – негромко, будто кто-то огромный сделал шаг где-то совсем рядом. Затем в чаще одна за другой, с тягучим скрежетом, стали ломаться ветки. На смену скрежету пришёл тяжёлый, размеренный топот, приближавшийся с неумолимой уверенностью. И вскоре из-за деревьев вышли они.

Каждое животное было чуть выше лошади в холке, но массивнее и мощнее. Их телосложение напоминало нечто среднее между быком и носорогом: могучее тело, короткие, но невероятно сильные ноги с широкими раздвоенными копытами, цепкими как у горного козла. Кожа – серовато-землистого оттенка, покрытая короткой жёсткой щетиной, защищавшей от непогоды. Голова – крупная, вытянутая, с массивным костяным гребнем, нависающим над глазами. Но самое поразительное – это их взгляд. Глаза, маленькие и глубоко посаженные, светились спокойным, почти человеческим интеллектом. Казалось, они видят тебя насквозь.

Их мощные спины были охвачены прочной, без излишеств сбруей, и на каждом красовалось простое, но добротное седло. Однако, присмотревшись, я заметила куда более странную деталь: на груди, в месте схождения ремней, у всех тварей был вправлен небольшой камень, и каждый из них светился своим, уникальным цветом.

Пятеро. Они двигались как единое целое – спокойно, неспешно, с той же грацией, что бывает только у существ, уверенных в своей силе.

Эрон обошёл одного из таррэнов – с бледно-фиолетовым камнем на груди – и, взяв за повод, подвёл ко мне. Невольно пришлось отступить. Мощь, исходившая от животного, была

почти осязаемой, давила на воздух. Взгляд сам переключился на Эрона. Он коротко кивнул – *доверься* – и произнёс, не отрывая глаз:

– *Kel sai mir? Sai lun thael. Ser toran vel Tarren: mir kel et sai – sai venel. Mir kel et naan – sai doraan.* — **(Кэль сай мир? Сай лун таэль. Сэр торан вэл Таррен: мир кэль эт сай – сай вэнэль. Мир кэль эт наан – сай дораан.)** – Боишься? Это правильно. Есть старая легенда о Таррэнах: если он признает тебя – он пойдёт. Если нет – уйдёт.

В горле пересохло. Сердце билось глухо, отдаваясь где-то под рёбрами. Животное не сводило с меня тёмных, бездонных глаз – взгляд был слишком осмысленным, почти человеческим. Что делать? Стоять? Отойти? Бежать?

Видя смятение, Эрон добавил тише:

– *Na draar. Sai na shaelen.* — **(На драар. Сай на шаэлен.)** – Не бойся. Он не обидит.

Прошла ещё секунда, прежде чем последовал медленный шаг вперёд. Ноги стали ватными, будто земля уходила из-под них. Моя рука поднялась сама собой. Ладонь оказалась холодной и влажной – от страха или утренней сырости, уже не разобрать. Кончики пальцев коснулись его шеи, и шерсть оказалась на удивление грубой и плотной. таррэн замер. Ни звука, ни движения – даже уши не дрогнули. Затем последовал медленный, протяжный выдох... обернувшийся громким, влажным чихом. Тёплые брызги окатили всё лицо. Не сдержав вздрагивания, я отшатнулась, судорожно вытирая лицо рукавом и сдерживая крик. А Эрон вдруг рассмеялся – коротко и по-звериному хрипло.

– *Sai venel kel. Mir tal nar.* — **(Сай вэнэль кэль. Мир таль нар.)** – Ты ему понравилась. Он похлопал меня по плечу – коротко, по-дружески – и пошёл к остальным. А я осталась стоять рядом с таррэном, всё ещё не до конца веря, что это произошло.

Животное молча стояло рядом, огромное, тёплое, чужое... и уже немного моё.

Лиян, проходя мимо, бросил через плечо:

– *Ser'na vel Naar. Kel sai venel – kel sai shaan.* — **(Сэр'на вэл Наар. Кэль сай вэнэль – кэль сай шаан.)** – Его зовут Наар. Если он выбрал тебя – он и поведёт тебя.

Последовал недоумённый взгляд. Слова звучали, но не складывались в смысл. Я кивнула – скорее машинально, чем в знак понимания. Казалось, слышишь звуки, но смыслы ускользают, как вода сквозь пальцы.

– *Naar.* – **(Наар)** – Наар, – вновь проговорил Лиян.

И в этот момент я поняла. Не всё, конечно. Не язык, не фразы. Но имя. Наар.

Так его зовут!

Эрон что-то крикнул, и остальные стражи один за другим взгромоздились на своих таррэнов. Лиян, уже в седле, протянул мне поводья Наара. Я взяла их с нерешительностью, на которую он лишь усмехнулся.

Вздохнув, собралась с духом, вставила ногу в стремя и, поддавшись инерции мощного тела, оказалась в седле. Высоко, непривычно и пугающе. Наар подо мной глухо вздохнул, будя своим дыханием опавшие листья у его копыт, и сделал первый шаг.

Дни в пути сливались в единую, растянутую нить времени. Наар, мой верный таррэн, шагал не сбавляя хода, его мощные копыта уверенно вдавливались во влажную землю. Остальные таррэны двигались рядом, как единое стадо – пять серых силуэтов, растворяющихся в утреннем тумане. Их приглушённый топот по мокрой траве смешивался с тяжёлым дыханием, а из широких ноздрей вырывались облачка пара, тающие в холодном воздухе.

Понемногу начала узнавать их по шагам, по неуловимым мелочам, что цепляются за память, как семена репейника. Один бил копытом чаще, словно вечно куда-то торопился, другой дышал громче, почти хрипло, третий фыркал каждый раз на входе в тёмную чащу, будто чуял нечто, скрытое в тенях.

Они живые. Они чувствуют, – мелькало в голове, а рука сама тянулась погладить тёплую шерсть Наара. Он будто понимал – не рывками и не рычанием, а мягко, почти... бережно,

если это слово применимо к существу размером с повозку. Его ритм стал моим ритмом: когда свернуть у кривого дерева, когда взяться за сбрую, когда просто выпрямиться в седле, чтобы не нарушить шаг.

По вечерам лагерь разбивали почти без слов, словно это был древний, отточенный ритуал. Каждый знал своё дело: кто-то доставал сухое топливо, пахнущее смолой и мхом, кто-то ставил потёртый котелок над огнём, кто-то молча осматривал снаряжение, проверяя каждый ремень и клинок. Меня почти не замечали – но не от равнодушия, а от странной... уверенности. Будто я всегда была здесь, среди них, как тень, следующая за светом костра.

Постепенно запоминались их жесты, манеры. Каэль никогда не повторял дважды – если кто-то не понимал, его тяжёлый взгляд говорил больше слов. Инара лишь хмыкала, но делала, что велено, с лёгкой насмешкой в уголках губ. Лиян часто срывался на ар-кеанский, бормоча себе под нос даже в одиночестве, будто споря с невидимым собеседником. Эрон объяснял жестами или обрывистыми фразами, глядя прямо в глаза, словно проверяя, услышу ли я больше сказанного. Я отвечала так же – коротко или кивком. И вот уже слова начали складываться в узоры, словно осколки мозаики.

«**Shael**» – знала. «Вода».

«**Kel**» – тоже. «Двигайся».

Теперь добавилось новое – «**Mir**». Слышала его постоянно: «**mir lun shael**», «**mir kel draar**». Иногда указывали на меня, на кружку, на котёл. *Значит, «я», «мне», «моё»? – гадала я, мысленно повторяя звуки.*

Говорить ещё не получалось. Но слух впитывал каждое слово.

Однажды вечером Эрон присел рядом у костра, потирая ладони и подкидывая в огонь сухие щепки. Пламя трещало, отбрасывая тёплые отсветы на его лицо.

– *Ser-kai mir lun shael* – (**Сэр-кай мир лун шаэль**) – Пожалуй, я бы выпил воды.

Вопросительный взгляд был ему ответом.

Он указал на кружку.

– *Shael*. (**Шаэль**) – сказал он. Вода. Затем кивнул на котёл. – *Mir lun shael*. — (**Мир лун шаэль**) – Налей воды.

Пришло понимание.

– Ага. Это... вода?

Уголки его губ дрогнули в улыбке.

– Нет. «Налить воду.» Или «Дай воды.»

– **Shael...** – медленно повторила за ним, чувствуя форму слова. – **Shael**.

Эрон кивнул, и внутри зародилось тихое удовлетворение. Уже неплохо. Каждый звук – шаг. *Я иду к ним*, – подумалось, а в груди отозвалось странным теплом.

Затем Лиян, молча подсев, взял кружку.

– *Mir kel shael*. – (**Мир кэль шаэль**) – Я возьму воду.

Я осторожно отпустила её. Он прищурился, оценивающе взглянул на меня и пробормотал:

– *Vel*. – (**Вэл**) – Хорошо.

Я приподняла брови, глядя на него.

Что это?

«*Ладно*»? «*Хорошо*»? «*Принято*»? – пронеслось в голове. Пауза повисла тяжёлой и дымной.

– Это... вроде «хорошо»? – спросила неуверенно.

Он кивнул, но не мне, а Эрону, и добавил:

– *Mir thael venel. Vel nor*. – (**Мир таэль вэнэль. Вэл нор**) – Она учится. Быстро.

Всех слов понять не удалось, но одобрительный тон был очевиден. *Они видят. Замечают.* И это... было важно. Уголки губ сами потянулись вверх в лёгкой улыбке.

Пейзажи сменялись, как в забытом сне, где время то замирает, то ускользает. Порой не ясно было, прошло несколько часов или уже день. Наар шагал упрямо и ровно, и с каждой милей его движение становилось родным, почти убаюкивающим – как ровный удар сердца. Мы пересекли старый лес – тёмный, густой; деревья росли так близко, что солнце едва пробивалось сквозь кроны, дробясь на землю изломанными тенями. Воздух там был тяжёлым, влажным, пах мхом, корой и терпким дымом прошлых костров, словно лес хранил память о тех, кто проходил до нас.

Потом открылась равнина – бескрайняя, с высокой травой, что кланялась ветру волнами, как зелёное море. Вдалеке синела низкая гряда холмов; трава пахла сухим мёдом и железом. Иногда среди стеблей мелькали белые камни – гладкие, странно ровные, будто их нарочно разбросали по степи. Или это кости чего-то древнего, забытого?

Позже мы спустились в ущелье, где дорога вилась между отвесных скал. Воды внизу бурлили, срывались в пропасть с глухим рёвом, и эхо наших шагов долго откликалось в каменных стенах, будто кто-то невидимый повторял каждый звук. Таррэны шли осторожно, их копыта скользили по мокрому камню, но ни один не дрогнул. Я смотрела вниз, на белую пену потока, и чувствовала, как холод пробирает до костей. *Если упасть... нас не найдут. Никто не найдёт,* – мелькнула мысль, и я крепче сжала поводья.

Говорили мало. Но по вечерам, когда лагерь был готов и горячая еда наполняла воздух ароматом трав и мяса, вновь слушала их голоса. Они смеялись, спорили, рассказывали истории на своём языке, а я ловила отдельные слова, как искры от костра. Страх ушёл; осталось только любопытство, жадное, почти детское. Не знаю, куда мы держим путь. Но внутри поселилось странное чувство: больше не гость. *Я стала частью движения и тишины между шагами Таррэнов,* – думалось мне, когда звёзды начинали светиться над нами, как древние руны.

Ещё через пять дней начала понимать короткие фразы – простые, двух- или трёхсловные. Они звучали как заклинания, но это был всего лишь язык – живой, шершавый, как кора.

На одном из привалов я сидела на бревне, наблюдая за их тренировкой. Лиян и Инара сходились на мечях – шумно, с короткими выкриками, разрезающими вечернюю тишину:

– *Kel!* – **(Кэль)** – Двигайся!

– *Sai nor!* **(Сай нор)** – Сильнее!

– *Draar, vel lun!* **(Драар, вэл лун)** – Осторожнее, не так!

Инара звонко хохотала, когда её отбрасывало назад. Лиян ворчал себе под нос, но в его глазах явно читался азарт. На них было интересно смотреть, и внутри рождалось странное, согревающее чувство.

Потом ко мне подошёл Эрон, молча протянув короткий нож с грубо вырезанной костяной рукоятью. Взгляд его был серьёзен, но без привычной суровости.

– *Kel mir. Ser kel shaen.* **(Кэль мир. Сэр кэль шаэн)** – Двигайся. Как я. Двигайся.

Я неуверенно взяла оружие, чувствуя его неожиданную тяжесть в ладони. Он отступил на шаг, поднял руки ладонями вверх – точь-в-точь как учитель перед учеником.

– *Shaen.* – Повторяй.

Так мы стояли некоторое время. Движения выходили медленными, угловатыми, тело казалось деревянным, а он терпеливо повторял снова и снова:

– *Shaen. Ser kel. Shaen.* – **(Шаэн. Сэр кэль. Шаэн)** – Двигайся. Как я. Двигайся.

Пока наконец в голове не щёлкнуло: *Двигайся. Как он. Двигайся.* Продолжала повторять, чувствуя, как мышцы понемногу начинают запоминать верный ритм.

Прошло ещё два дня. Тропа свернула с наезженного пути, повела вверх, в холмы. Воздух стал суше, каменистая почва звенела под копытами, и от каждого шага Наара поднимались облачка рыжей пыли, оседая на одежде и коже. Они стали чаще переглядываться, будто знали, что цель близка. Эрон шагал рядом, тихо напевая что-то низким, гортанным голосом. Инара вдруг прыснула со смеху, тыча пальцем в Лияна.

– *Ser-lun vel Kael mir shael druun*, – **(Сэр-лун вэл Каэль мир шаэль друун)** – бросила она, и все, включая ворчливого Лияна, фыркнувшего в ответ, рассмеялись.

Шаг чуть замедлился сáм собой, а в груди неожиданно вспыхнула знакомая искра – щёлкнуло, сложилось.

– Кажется, я знаю эту шутку! – собственный громкий голос прозвучал неожиданно даже для самой себя. – Это... про то, как Лиян однажды перепутал отхожее место с бурдюком для ночной стражи?

Тишина. Гулкая пауза, в которой повисли только звуки ветра. Четыре пары глаз уставились на меня. Показалось даже, что могучий Наар на миг замер, развернув свою рогатую голову в мою сторону.

– *Mir vel* язык! – выдохнул Эрон, поворачиваясь к остальным. А потом, уже глядя на меня, с изумлением добавил: – Ты понимаешь наш язык!

Последовал кивок, а щёки тут же запылали от внезапного внимания.

– Ещё не совсем. Просто... вы это повторяли трижды. И Инара каждый раз тыкала в Лияна пальцем.

– *Vel kael nor lun shaen dar*. – проворчал Лиян.

Взгляд сузился от любопытства.

– А это что значит?

Эрон расхохотался ещё громче, с силой хлопнув себя по колену.

– Это... эм... Проверь, не влез ли тебе паук в зад.

– Что?! – глаза округлились от неподдельного ужаса, а сердце на мгновение замерло.

– Шутка, – фыркнула Инара, с лукавым подмигиванием. – Почти.

– Ясно, – пробормотала я, стараясь скрыть пробивающуюся улыбку. *Они смеются. И я с ними. Неужели я и вправду становлюсь своей?* – мелькнула мысль, пока взгляд скользил по их лицам, озарённым последним светом угасающего дня.

Путь тянулся долго, казалось – бесконечно. Тропа извивалась вниз, петляя среди острых, крошащихся камней, которые скрежетали под ногами, словно протестуя против любого вторжения. С обеих сторон нависали каменные выступы – угрюмые, изломанные, будто сросшиеся с этой древней, немой землёй. Над самым ущельем висел тонкий, почти призрачный туман. Ветер бил в скалы, и горы отвечали ему низким, хриплым гулом, похожим на усталое дыхание веков.

На рассвете туман опустился к самой земле, окутав всё холодной, липкой пеленой. Наар внезапно вскинул голову, его мощные мышцы напряглись одним движением. Он замер, громко фыркнув и мотнув рогатой мордой. Следом, словно по невидимой команде, остановились и остальные таррэны, их тела слились в едином порыве – дрожь, похожая на смесь страха и боли.

Пальцы инстинктивно сжали поводья, сердце застучало чаще. *Что он почувал?* – мысль ударила остро, а взгляд метнулся по сторонам. Справа зиял обрыв, уходя в серую, непроглядную бездну. Слева чернел каменный выступ, усеянный высохшими, серыми костями мёртвых деревьев. Впереди – узкая тропа, теряющаяся за крутым поворотом.

Мы двинулись дальше, и за изгибом открылась она. Деревня. Не мёртвая, но – пустая. Покинута, хранящая лишь отголоски чужой жизни. Шесть домов, скособоченных, с провалившимися крышами. Перекошенная колокольня застыла тёмным силуэтом на фоне блёклого неба. Разбитый мост висел над пропастью, обрываясь в ничто. Ни следов битвы, ни пепла пожара, ни тел. Лишь наглухо закрытые ставни, будто скрывающие чей-то пристальный взгляд. И чёрные пятна над дверными проёмами – тёмные, обугленные, похожие на отпечатки огромных ладоней. Или чего-то похуже.

Взгляд отыскал Эрона, замыкавшего цепочку. Его тяжёлые, внимательные глаза скользили по каждому камню, каждой трещине. Порой казалось, он не просто видел землю – а слышал её, чувствуя, как она дышит прямо под ними.

– Они ушли... или так навсегда и остались? – пробормотал Лиян, и в его тихом голосе явно сквозила тревога.

Каэль молчал. Его лицо казалось высеченным из камня, но можно было заметить, как медленно, почти ритуально сжались его пальцы на рукояти копья. Иероглифы на древке оружия засветились слабым, холодным светом, будто оживая. А у меня по спине побежали мурашки.

Мы обошли деревню стороной. Слева от неё в склон вросла громадная каменная арка, похожая на разверстую каменную пасть, готовую в любой миг сомкнуться. Над ней, на шершавой поверхности, кто-то нацарапал неровные строки:

«Вода течёт вспять. Мы остались под кожей».

Каэль замер, его взгляд впился в надпись, а после медленно, тяжело перевёлся на меня. В его глазах мелькнуло что-то острое.

– Внутрь. Быстро, – коротко бросил он, кивнув на узкую щель в скале. – Не отставайте. Здесь мы больше не в безопасности.

Спины таррэнов остались позади. Следующим мгновением мы уже были внутри, отрезанные от внешнего мира тяжёлым, влажным мраком.

Снаружи это была лишь неприметная трещина в скале, но внутри открывался целый мир – кривой, изломанный, глубоко чужой. Стены пещеры дышали влажным теплом, будто живые. Камень на ощупь оказался обманчиво мягким, почти как плоть, и весь был испещрён сетью пульсирующих прожилок, похожих на вены. Они мерцали в голубоватом полумраке, переливаясь тусклым светом. Лиян провёл по одной из них пальцем, и его лицо исказилось от внезапного отвращения.

– Не вздумайте пить из этих источников, – предупредил он, глядя на кожу, окрасившуюся в густой, багровый цвет.

Я скользнула взглядом по его руке, и тут же к горлу мерзким комком подкатила тошнота.

Мы двигались молча. Только приглушённый шорох наших шагов да редкие капли, звенящие в непроглядной темноте. Влага стекала по стенам, как пот, оставляя за собой блестящие, слизистые следы. Воздух был тяжёлым, липким, он забивался в лёгкие, будто хотел остаться там навсегда. *Что это за место? Почему оно кажется... живым?* – проносилось в голове, и я старалась дышать ровнее, глубже. Но каждый шаг отзывался в груди сдавленным, тревожным чувством, словно сама пещера внимательно следила за нами.

– Вы пришли нас спасти? – тихий, почти детский женский голос прозвучал справа, из темноты.

Мы резко повернулись – и от увиденного я пошатнулась.

На полу, в немыслимо искажённых позах, застыли люди. Их тела претерпели чудовищную трансформацию. Они не были изувечены в бою. Нет... Они были тщательно, с болезненным усердием пересобраны. Ни капли крови, ни намёка на хаос – лишь жуткая аккуратность. Словно безумный скульптор, одержимый чуждым идеалом, лепил их заново, не глядя на человеческую форму.

Воздух стал густым и сладковатым, пахнувшим старыми влажными камнями и чем-то металлическим, что щекотало ноздри.

Мир сузился до отдельных, врезающихся в память образов, выхваченных из мрака мерцанием прожиток на стенах. Вот юноша, его тело выгнулось в невозможной дуге. Позвоночник, изломанный в серии мелких, костяных шипов, прорвал кожу и ушёл вверх, изгибаясь бледным, неестественным гребнем. Кажется, будто из него пытались вырастить нечто – второе существо, так и не сумевшее родиться.

Рядом женщина. Её веки срослись намертво, но не кожей – их стянула тугая, бархатисто-чёрная ткань, вросшая в орбиты и пульсирующая ровно, как сердце. Лицо под этой повязкой было гладким и безмятежным, будто она видела прекрасный сон. Дальше мужчина. Его плечевые суставы сместились и срослись под неправильным углом, прижав руки к груди, будто он застыл в вечном, утробном объятии самого себя. Ключицы впились в шею, сковав её в неестественном наклоне. Он не дышал, и на его губах играла лёгкая, застывшая улыбка.

И посреди этой немой выставки ужаса – один живой взгляд. Женщина. Она смотрела на нас сквозь пелену общего безумия. Её губы беззвучно шевелились, выдавливая из себя обрывки несуществующих слов, а глаза... Глядели вразрез. Один зрачок – наш, полный животного ужаса и мольбы. Второй – затянут молочно-белой пеленой, смотрящий внутрь, в мир собственного невыносимого страдания. Она была мостом между нашим миром и тем, что царил здесь. И этот мост рушился на глазах.

Инара двинулась первой, медленно, осторожно, с какой-то животной, врождённой деликатностью, с какой подходят к смертельно раненому зверю. Женщина подняла руки – и только тогда стало видно, что с ними стало. Кисти вытянулись, пальцы истончились до костей, стали гибкими, почти корневидными. Они шевелились сами по себе, слепо изгибаясь, будто ища в воздухе почву.

– Не бросайте, – прошептала она, и голос её скрипел, как ржавая пружина. – Пожалуйста... Я всё ещё помню, как пахнет дождь. Я всё ещё... помню, как его звали... моего мальчика... – голос сломался, сорвался на высокий, механический писк. – Не дайте ему закончить.

Инара опустила на колени рядом, потянулась, положив тёплую ладонь на её холодное плечо.

– Мы тебя не оставим. Ты меня слышишь? Ты не одна, – тихо, но твёрдо сказала она. – Просто держись.

Женщина прижалась щекой к её руке, как измождённый, испуганный ребёнок. Её лицо на мгновение стало просто человеческим – измученным, истощённым, но живым. А затем – вдруг – из груди вырвался влажный, прерывистый хрип. Плечи дёрнулись в последнем спазме, глаза неестественно расширились, и в следующее мгновение она обмякла – будто невидимая нить, державшая её, оборвалась. Жизнь ушла.

– Нет... – прошептала Инара, наклоняясь ниже.

Но тело уже застыло.

– Да что же это такое? – Лиян нервно оглядел пещеру, его рука сама потянулась к оружию.

И вдруг я услышала. Ту самую песню. Тихий, детский голосок, без слов, без смысла – он пронизывал насквозь, как ледяная игла. Что-то внутри дрогнуло, ёкнуло – смутное, неуловимое воспоминание. Забытый, первобытный страх.

И вдруг до сознания дошло: этот мотив мне знаком. Не думая, почти беззвучно, губы сами прошептали в ответ:

Крян-Мор идёт – кости считать,

Тех, кто не прав – исправить опять.

Он соберёт, что было не так...

И всё сложит... щелчком – в кулак.

Рядом вздрогнул Лиян. Эрон и Инара резко обернулись, их взгляды впились в меня.

Каэль сделал шаг вперёд, и его голос прозвучал низко, тревожно, с неприкрытой угрозой:

– Что ты поешь?

Горло сжалось, а пульс забил в висках с такой силой, что мир поплыл перед глазами.

– Мать пела мне эту песню, – едва слышно выдавила я, изо всех сил стараясь скрыть дрожь. – Когда была беременна. Говорила, что услышала её во сне. Я думала, это просто бред. Но... – Фраза оборвалась, не находя продолжения. *Почему этот мотив здесь? Почему он зву-*

чит как самое древнее из предупреждений? – стучало в висках, а холод медленно проникал в самые кости.

Взгляд поднялся – и застыл. На стене, в тусклом свечении прожилок, виднелась кукла. Тряпичная, старая, сломанная, будто пригвождённая к деревянной доске. Голова её была свёрнута набок, а лицо – выжжено дотла, словно кто-то яростно пытался стереть его из реальности. А под ней, детским, неровным почерком, было нацарапано:

«В этот раз получится».

Взгляд снова скользнул по кукле. И в глубине пещеры, в самой густой тьме, показалось, что что-то улыбнулось. Ждёт. Тишина сгустилась, стала плотной, звенящей, как перед броском хищника. Холодная капля пота скатилась по спине. *Кто это написал? И что... должно наконец получиться?* – мысль билась в голове, как пойманная птица. Деревня. Песня. Кукла. Всё сплеталось в один тугой, чудовищный узел.

– Его зовут Крян-Мор, – сорвалось с губ.

Все трое замерли. Каэль шагнул ещё ближе, его голос упал до ледяного шёпота:

– Откуда тебе известно это имя?

– И кто он? – добавила Инара.

Её глаза встретились с моими. И впервые стало заметно, как они засветились изнутри – ледяным, бездонным сиянием. Они вспыхнули и угасли, словно отдалённая молния на горизонте. Горло сжалось так, что стало трудно дышать.

– После смерти матери я нашла её письменник. Она хранила его под половицей. Эти записи передавалась из поколения в поколение. Столько монстров, сколько было описано на этих страницах... – Я осеклась. – И представить не могла, что такие чудовища вообще существуют... Именно там я и узнала о Крян-Море. – Поежившись от пробежавшего по спине холода, я продолжила уже тише и медленнее – Там было написано, что в селе Фарштен родился мальчик с изуродованным телом. Нерадивая мать прятала его от всех – считала, что он «неправильный», и каждый день бинтовала ему суставы, вытягивая руки, ломая кости, чтобы он стал «нормальным». Он умер в 9 лет. После, в деревне начали слышать хруст и щелчки – будто кто-то «переделывает» живых. Говорят, он вернулся, чтобы «исправить» всех до идеала, которого от него ждали. Много веков он был заточен в Чреве страха. А теперь...

– Переделывает? – переспросил Эрон. Его рука легла на топор, и я уловила, как дрогнули мышцы предплечья.

– Да, – кивнула я. – Его также называют собиратель костей. Он не просто убивает. Он исправляет.

И тут в темноте что-то капнуло.

Сначала подумала, что это просто вода, стекающая с потолка пещеры, сырого и древнего, как само время. Но звук был неправильным. Тонкий, резкий, словно щелчок костей в крошечной тьме. Я замерла, чувствуя, как холод пробирается под кожу. Это не вода. Это что-то... иное.

Каэль резко поднял руку, заставив нас замереть. Он вглядывался вперёд, не моргая, его лицо застыло в напряжённой маске. Я не знала, что он разглядел в тенях, но кожа на моих руках покрылась мурашками раньше, чем я услышала... нет, почувствовала это.

Крян-Мор.

Он не вошёл. Не ступил. Он просочился, будто корни, пробивающиеся под камнем, словно нечто, не принадлежащее этому миру. Сперва его движение было медленным, почти неуверенным. Затем из мрака возникла фигура, собранная, как головоломка, сложенная без знания анатомии. Он сложился в подобие человека, но не так, как должно быть. Колени выгнулись не наружу, а внутрь, с глухим треском, от которого желудок сжался в комок. Плечи поднялись выше головы, перекрутились, будто кости были жидкими, а затем встали на место с мерзким хрустом – казалось, тело вспоминало себя по частям.

Он не поворачивался – перекладывался, как марионетка, чьи нити дёргал безумный кукловод. Каждый сустав при движении вгибался внутрь, ломался – и расправлялся обратно с ощущением, которое не слышалось, но пронизывало кожу, словно ледяные иглы. Это не человек. Такое не может быть живым.

Лицо – или то, что его заменяло – было затянато тканью, чёрной, плотной, словно паутина, вросшая в глазницы и рот. Это не была маска. Оно было стёрто, будто кто-то попытался вычеркнуть его лик из самой реальности. Пустота там, где должны быть глаза, смотрела прямо на меня, и я почувствовала, как холод сковывает позвоночник. *Оно видит. Оно знает, что я здесь*, – пронеслось в голове, и я сжала кулаки, чтобы не закричать.

Оно не было одним.

Позади, прямо из тьмы, будто из трещин в камне, вышли ещё двое.

Первый выглядел как человек, собранный наспех и неверно. Его голова была повернута так, что лицо смотрело назад. Он передвигался на локтях, а ладони скользили по камню с влажным шорохом. Ноги были вывернуты, ступни торчали вверх, как у сломанной куклы. Пальцы на руках гнулись в обратную сторону, и от одного взгляда на них становилось не по себе. На его спине кто-то грубо нарисовал углём глаза. Они моргнули. Я застыла, с ужасом осознавая, что не знаю, где у него настоящее лицо... и есть ли оно вообще.

Второй был ещё страшнее. Вместо грудной клетки из него торчали тонкие, кривые костяные дуги, словно хрупкий каркас, собранный впопыхах. Внутри них пульсировал синий, холодный огонь. Он светился изнутри, бился, подобно сердцу, но сердцем не был. Его тело двигалось вперёд, подчиняясь странной, неправильной силе – вес падал набок, суставы шли не в те стороны. Казалось, он вот-вот развалится, но он шёл медленно и неумолимо, по правилам, которых я не знала.

Я мысленно назвала их Ломаными – других слов просто не нашлось.

Мы не готовы к этому, – мелькнула паническая мысль. Воздух застрял в груди, будто камень, а сердце колотилось так громко, что, казалось, они услышат его. Тени вокруг сгущались, будто сам мрак оживал, обволакивая нас.

Каэль стоял впереди. Я видела, как напряглись его плечи, как пальцы впились в древко копья – единственную опору в этом безумном мире. Его взгляд был острым, как клинок, но в глубине мелькала тень сомнения.

Дрожал не просто воздух – вибрировало само пространство. Оно колыбалось вокруг Крян-Мора, как поверхность чёрной воды.

Я сделала шаг вперёд, неосознанно, будто что-то тянуло меня к этой тьме. Дрожащие пальцы потянулись к сумке на поясе, где лежали руны. Камни были тёплыми, почти живыми, их пульсация совпадала с ритмом моего сердца. Они отзывались, будто знали, что время пришло.

– Лирель, отойди назад! – прошипел Каэль. – Отвернись и не оборачивайся! – Его голос резал воздух, словно лезвие. – Не...

Но я уже высыпала их на ладонь. Все десять. Они жгли кожу, как раскалённые угли. Я швырнула их на землю, и слова на рунах начали складываться сами:

Чужой из трещины в ткани миров,

Лишённый глаз – но зрячий вновь.

Сломан – значит может быть разбит.

И в кристалл теней затворен, скрыт.

Камни вспыхнули. Серым. Цветом пепла. Мои губы дрогнули, и я выдохнула:

– Его нельзя убить. Только запечатать.

Но меня уже никто не слышал.

Инара собрала лук одним движением запястья – быстрым и точным, как удар хлыста. Наручи на её руках раскрылись, сложившись в смертоносную дугу, сияющую тусклым светом

угасающей звезды. Стрела из чёрного стекла, тонкая, как жало, почти растворилась в полумраке. Тетива натянулась, издав едва слышный, высокий звенящий звук.

Без слов. Без колебаний. Выстрел.

Стрела вонзилась Крян-Мору в шею с глухим, влажным хрустом. Его тело дёрнулось, будто марионетка на невидимых нитях, но не рухнуло. Не последовало ни крика, ни хрипа. Из раны не хлынула кровь – лишь разошлись ветхие бинты, обнажив нечто инородное. Костяное. Сегментированное. Живое. Оно извивалось, подобно пронзённой, но не умирающей твари. *Что это?* – ужас сковал горло, но отвести взгляд не было сил. Крян-Мор поднял руку. Движение сопровождалось противным хрустом ломающихся суставов, будто сама плоть мира сопротивлялась ему. Пространство вокруг содрогнулось, зазвенело, как стекло готовое треснуть.

– Не подпускайте его к себе! – Каэль рванул меня назад. Его голос прорвался сквозь гул, словно удар грома.

Но было поздно.

Один из Ломаных коснулся стены. Камень вздрогнул, будто живой, и по нему поползли чёрные жилы трещин. Рука существа вывернулась под немыслимым углом, обретая сходство с лапой насекомого, и щёлкнула в пустоте. Пальцы-стилеты впились в воздух – и там же что-то треснуло. Реальность под ногами поплыла, почва ускользнула, оставив под ступнями зыбкую, ненадёжную пустоту.

Каэль метнул посох. Древко врезалось в пол с силой, от которой воздух загудел. От точки удара разошлась волна – плоская, пронзительная, похожая на беззвучный крик. Она ударила в Ломаных, и те дёрнулись, как куклы с оборванными нитями. Один рухнул, рассыпавшись на части, но второй лишь распластался, его кости выгнулись, и всё же он удержался. А Крян-Мор... он лишь склонил голову, его пустота смотрела прямо сквозь меня, и я почувствовала, как ледяная игла страха вонзается в самое нутро.

В глазах Каэля вспыхнул свет – синий, холодный, как сердцевина арктического льда. Он шагнул вперёд, и каждый его шаг отдавался низким гулом в камне. Копьё в его руке пело, вибрируя, продолжение его воли. Воздух сгустился, насыщенный древней силой. Каэль рванулся вперёд и ударил в спину Крян-Мора с такой мощью, что земля дрогнула. Удар был точен. Сокрушителен. Древко прошло насквозь, и трещина в бинтах разошлась, обнажая не плоть, а чёрную, клубящуюся пыль и смятые, чуждые остовы, будто собранные из разных эпох. Крян-Мор завопил – не голосом, а скрежетом ломающихся костей. Его голова запрокинулась, и пещеру наполнил отвратительный хрустальный гул.

Инара выстрелила снова. Стрела ударила в висок, но цель даже не дрогнула. Её лицо исказила немая ярость, пальцы вновь нащупали тетиву.

Позади закричал Эрон – не от страха, а от дикой, необузданной мощи. Его глаза вспыхнули ядовито-зелёным, он развернулся, ударив топором в одного из Ломаных. Раздался хруст, от которого кровь застыла в жилах. Существо рассыпалось – но не на части, а на сгибающиеся, сочащиеся суставы, которые всё ещё пытались ползти, лишённые формы, но не воли.

Лиян метнул три кинжала подряд с хищной точностью. Один вошёл в шею, второй – в спину, третий – в ногу. Крян-Мор вздрогнул и медленно развернулся, его движения были неестественными, бумажными. Из его руки вырвалась лента бинта, затрепетав в воздухе как щупальце, живое и голодное. Что-то взорвалось внутри него. Тело дёрнулось в спазме, кинжалы вырвались наружу с тошнотворным звуком рвущейся, сшитой плоти...

– Нет!.. – голос Лияна сорвался на крик, его глаза вспыхнули алым. – Ты за это ответишь!

Рука потянулась за новым кинжалом, но Каэль перекрыл его:

– Стой. Это бесполезно. Его так не взять.

– Я знаю, как его остановить. — *Или мне только кажется?* – Осколок старого зеркала дрожал в ладони, как живая, трепещущая вода, его грани сияли болезненным, потусторонним

светом. Единственный шанс. Ошибка – и нас не станет. Мысль резанула, как лезвие, но зубы стиснулись, не позволяя страху подняться выше горла.

Рука поднялась, и сила рун слилась с мощью артефакта, превращаясь в бурю, готовую разорвать грудь изнутри. Голос дрожал, но слова падали твёрдо, как клятва, высеченная в вечности:

– Слушай меня, тень из-за Завесы!

Сломанный – будь расщеплён!

Невидящий – будь затворён!

Что создан – разрушен!

Что вышел – возвращён!

Крян-Мор шагнул вперёд, и мир затрещал. Реальность заходила ходуном, воздух сгустился, давя на лёгкие, выжимая последние капли кислорода. Но сдачи не было. Древние слова сорвались с губ низким, рвущимся криком, эхом отразившись от сырых стен:

– *Вен-ка'л мор! Сар ай-дас! Эран тор-нэль! Айра!*

Руны вспыхнули, ослепляя, выжигая сетчатку. Свет рванулся от ладони, ударил в Крян-Мора, разрывая тьму на клочья. Бинты заколебались, тело выгнулось, будто небесная твердь сжалась над ним, сминая в ничто. Он не кричал. Он распадался – как отражение в разбитом стекле, всасываясь в трещину мироздания, которую сам же и создал.

Пространство содрогнулось в последний раз и затихло. Пальцы сжали осколок, чувствуя, как жжение рун медленно угасает, оставляя на коже тлеющие узоры. На поверхности стекла проступило тёмное пятно, словно клякса чернил, запертая в ловушке.

Тишина. Глухая, давящая, тяжёлая, как плита на груди. Ноги подкосились, и тело рухнуло на колени, лёгкие судорожно хватая воздух.

Мы сделали это. Но почему в груди так пусто, а сердце колотится, предчувствуя новую беду?

Каэль шагнул ближе, его лицо было пепельным, а в глазах билась тревога, которую уже не скрыть. Инара опустила лук, её пальцы мелко дрожали, а тетива всё ещё гудела, как натянутый нерв. Эрон сжал топор так, что костяшки побелели, его взгляд метался по теням, выискивая движение.

– Оно... ушло? – хрипло выдохнул Лиян, его голос сломлен яростью и истощением. Взгляд упал на осколок.

Тёмное пятно дрогнуло, извилось. И ответа не последовало. Тишина висела над нами, натянутая и хрупкая, словно паутина, готовая порваться от малейшего звука. Первым её разорвал Эрон, его голос дрогнул, выдавая напряжение:

– Все целы? – он обвёл взглядом, будто пересчитывая. – Лиян?

– Цел, – тот ответил глухо, в его тоне сквозила ядовитая обида.

– Инара?

– Пока держусь, – Инара осторожно разжала лук, убирая стрелу, движения её были скованными, будто она не верила, что можно расслабиться. – Пока.

Каэль молчал. Лишь его дыхание – тяжёлое, рваное – нарушало тишину.

– Каэль? – я шагнула к нему, сердце сжалось от тревоги. Он стоял, чуть наклонившись, словно тело отказывалось выпрямиться.

Он медленно повернул голову, в его взгляде мелькнула тень боли:

– Левая рука... не двигается. Словно она чужая.

– Покажи. – Подошла ближе, не спрашивая разрешения. Пальцы сами нашли пряжку на его наплечнике, и растянули её с тихим, зловещим щелчком. В груди нарастал холодный, тяжёлый ком – *что, если это не просто рана?*

Он не возразил, лишь отвел взгляд, будто не в силах был видеть это сам. Я сдёрнула ткань. Кожа на левом плече была мертвенно-бледной, натянутой, почти прозрачной, как пергамент.

Под ней проступали жилы, отливающие синевой, а сама рука... была вывернута. Противно, неестественно. Локоть смотрел вверх, пальцы сведены в вечный, напряжённый кулак. В месте соединения с шеей плоть потемнела, будто тронутая гнилью.

Я поднесла ладонь, не касаясь. От кожи исходило слабое, обманчивое тепло, но жизни – не было. Ни пульса, ни трепета. Одна лишь тихая, мёртвая статика.

– Здесь не просто вывих, – прошептала я, едва шевеля губами. – Здесь что-то... другое. Энергия. Или след. Словно он оставил в тебе частичку себя.

Инара шагнула ближе, прищурившись, её взгляд стал острым, как лезвие:

– Он касался тебя?

Каэль молчал, будто перебирал в памяти каждое мгновение схватки:

– Не знаю... Кажется, нет... Но в какой-то момент он... смотрел. Пристально. Словно забирался внутрь, под кожу.

Взгляд скользнул ниже, к торсу. Там, где ткань рубахи прилипла к телу, проступала метка. Не шрам и не ожог. Вдавленное пятно, словно печать, оставленная не на коже, а глубже – в самой плоти. Круг, внутри которого извивался символ, ускользающий от взгляда. Он менял очертания, не давая себя запомнить, как обрывок ночного кошмара.

– Я... не чувствую её, – выдохнул Каэль. Его голос прозвучал глухо, отчуждённо. – Как будто она есть, но не моя. Будто лишь пристёгнута к телу.

– Это метка. Значит, он всё ещё здесь, – холодно бросил Лиян. – Коснулся. Может, и не рукой. Взглядом. Теперь вы связаны.

– Лиян, хватит нагнетать, – Эрон встряхнул плечами, его пальцы привычно сжали рукоять топора.

– Значит, надо это убрать, – Инара потянулась к кинжалу, её пальцы дрожали от слепой, яростной решимости.

Я перехватила её руку. В груди зашевелился ледяной червь страха:

– Не думаю, что он в Каэле... – Голос сорвался. – И тем более мы не знаем... А если разорвёшь метку, не зная как, то не избавишься, а... откроешь её. Вдруг он...

– ...вернётся, – закончил Каэль, уставившись в пустоту перед собой.

Воздух сгустился, стал тяжёлым, почти осязаемым. Камень под ногами больше не казался надёжным. Дрожь пробегала не по земле – по нервам, изнутри, как отголосок чего-то чужого. *Что-то осталось. Что-то прилипло к реальности, затаившись в складках.*

– Руку нужно вправить, – тихо сказала я, с трудом скрывая дрожь в голосе. Взгляд сам потянулся к Эрону, ища поддержки.

– Я займусь, – отозвался он, и в его тоне мелькнула странная, почти хищная искра.

– Нам нужно время. И знания, – продолжила я, чувствуя, как слова цепляются за сухое горло. – Чтобы убрать этот... знак. Что бы это ни было. Это ещё не конец. Каэль усмехнулся – едва заметно, одним уголком рта, без тени радости.

– Конечно, не конец, – произнёс он с горькой, обречённой уверенностью. – Спасибо. – Его глаза на мгновение сверкнули.

Мы вышли. Ущелье дышало нам в спину – тяжело, влажно, как незаживающая рана. Она не гноилась. Пока. Свет менялся – сверху, меж скал, наконец проглянуло небо. Тусклое, вечернее, но настоящее.

Плечи у всех чуть опустились – не от слабости, а от сброшенной на миг тяжести. Даже Каэль шёл, не жалуясь. Его левая рука была туго притянута к груди – живая, но мёртвая. Когда тропа распахнулась, и лес принял нас обратно в свои влажные, пахнущие прелой хвоей и корой объятия, Инара выдохнула первой:

– Клянусь Тремиром, если сейчас не будет огня и горна, я вернусь в ту дыру и разнесу её.

– Горна? – скептически фыркнул Лиян.

Инара не удостоила его ответом. Просто посмотрела на Эрона с таким видом, будто только он мог вернуть миру равновесие.

Тот фыркнул, но плечи его заметно расправились.

– Вы слышали даму. Разбейте лагерь. Я достану котёл.

Огонь трещал, разрывая сгущающиеся сумерки. Тени плясали дикий, неровный танец. Над очагом клубился густой, пряный пар, и мир понемногу становился... терпимым. Эрон стоял над котлом, как алхимик над тиглем. Его руки двигались резко, с выверенной грубостью, будто он сражался с самими ингредиентами.

– Горн Эрона, – провозгласил он, помешивая варево в котле. – Запоминайте рецепт, потому что, если вы когда-нибудь окажетесь по уши в грязи мироздания, как сегодня, вам захочется именно этого. Он бубнил, как заклинание:

– Три корня бесспящей валлы – для ясности. Две ветки красной мирты – чтобы не сдохнуть от усталости. Лепесток мёртвого крушна – чтоб сердце не треснуло от страха. Глоток спирта – чтобы всё это можно было проглотить. И шепотка рёва. Обязательно. Без рёва не то.

– Рёва? – приподняв бровь спросила Инара.

– Трава. Растёт только под деревьями, видевшими бой. Пахнет болью и мятой. Без неё – просто отвар. С ней – напиток выживших. – Он ухмыльнулся, снова принявшись мешать.

– А если нет рёва? – поинтересовалась я.

– Тогда ты просто уставшая дурёха. А с рёвом – уставшая дурёха с шансами.

Мы пили по очереди. Горн ударял в грудь, как пинок – согревая изнутри, проясняя мысли, возвращая телу забытую лёгкость. Даже Каэль дрогнул, смотря на пар, поднимающийся от его кружки.

Лес вокруг затих. Слишком уж.

И в тот самый миг, когда я уже почти поверила в возможность спокойной ночи... земля вздрогнула.

Щелчок. Хруст веток. Справа.

Мы замерли.

Инара мгновенно встала на колено, пальцы уже потянулись к стреле. Каэль напрягся, его правая рука легла на рукоять ножа. Тёплое спокойствие, разлитое горном, тут же вытеснил знакомый леденящий холод.

– Снова?.. – прошипела Инара, её глаза сузились до щелочек.

Ещё шаг и ветви раздвинулись. Из чащи вышел кабан. Огромный, взъерошенный, с щетиной и торчащей иглами на загривке. Глаза пылали, как угли, морда была в ссадинах и запёкшейся грязи.

Лиан не дал ему сделать и трёх шагов. Его кинжал блеснул в огне костра и вонзился точно меж глаз. Зверь зашатался, издал низкий, предсмертный хрип и рухнул, подняв облако пыли.

– Вот и ужин, – мрачно заметил Эрон, не отрываясь от котла. – А я уж думал, жевать придётся одну вашу тревогу.

Инара медленно выдохнула, разжимая пальцы.

– Пожалуй, добавлю мясо в свою чашу.

– Я запомню этот горн, – хрипло сказала я, чувствуя, как усталость наконец берёт верх над адреналином. – Но кабан – определённо вкуснее.

Лиан вернул кинжалы в ножны, не проронив ни слова. Лишь подмигнул, и впервые за этот вечер уголки его губ дрогнули в подобии улыбки.

Ночь пахла дымом, жареным мясом и чем-то незнакомым, чужим. Но в ней было место и отдыху. Пока Эрон разделял тушу с точностью мясника, а костёр трещал, отбрасывая тёплые блики, я смотрела на спящего Каэля. Его рука под повязками, тусклая метка на коже... Покой был обманчив. Он ушёл. Но дверь осталась приоткрытой.

Глава 3

Мы выбрались из леса на закате. Деревня лежала внизу, в долине, прижавшись к излучине реки, точно стоя темных птиц, собравшихся на ночлег. Низкие, приземистые дома под крутыми крышами из дранки поблёскивали в косых лучах уходящего солнца, будто впитывая его последнее тепло. Кровли свисали почти до земли, образуя глухие тенистые карманы; на коньках замерли резные драконьи головы, выцветшие от непогод, но всё ещё не утратившие грозной вытянутости.

Тонкие струйки дыма тянулись из каменных труб, растворяясь в медном мареве. Воздух был густ и обманчиво сладок: пахло дымом, свежим хлебом, копчёной рыбой и влажной, оттаявшей землёй. Обещание уюта, тёплого очага и простой человеческой жизни – всего того, чего так не хватало после долгих недель скитаний.

Мы оставили таррэнов пасти на лугу у опушки, а сами двинулись вниз по мощённой щебнем дороге. Камень хрустел и скрежетал под сапогами, и каждый звук отдавался в натянутой тишине. Каэль шёл впереди, чуть в стороне. Его левая рука, туго перетянутая бинтами, была прижата к груди – мёртвый, забытый груз. Он не издавал ни звука, но в его сдержанной походке читалась стальная, почти звериная решимость. Даже измождённый, он смотрел так, будто видел на шаг дальше и знал то, о чём остальные лишь смутно догадывались.

Тишина в деревне не наступила – она изменилась, загустела. Приглушённый гомон и стук топоров затихали по мере нашего продвижения. На спину лёг тяжёлый, недобрый взгляд. Женщина с плетёной корзиной ягод инстинктивно прижала её к себе, словно опасаясь грабежа. Двое мальчишек у колодца замерли, сжав в пальцах верёвку. Шёпот, резкий вздох, притворно-равнодушный поворот головы, торопливое исчезновение за низкими дверными косяками. Это не был открытый страх – скорее, густая, липкая настороженность, будто мы были не людьми, а предвестником чумы.

Краем глаза я заметила, как Лиан замедлил шаг – его внимание приковали тёмные глазницы окон, в глубине которых угадывалось движение. Инара бросила короткий взгляд через плечо, и её пальцы на миг сомкнулись на рукояти кинжала у пояса. Эрон лишь сдвинул густые брови, но промолчал.

В центре, на вытоптанной каменной площади, путь преградил мужчина. Высокий, с плечами, словно обтёсанными топором и лицо в глубоких морщинах, будто треснувшее старое дерево. Серебристые волосы стянуты в тугий узел, а глаза цвета потускневшей стали были пусты и холодны. Без удивления. Без приветствия.

Мы остановились.

– Ар-Кеат... – его голос прозвучал глухо. – Зачем вы пришли?

– Мы всего лишь ищем крова и пищи, – голос Каэля был спокоен, но я уловила в нём ту же ледяную струю, что сковала моё собственное горло. Его это задело. Задело глубже, чем он покажет.

– Вы опоздали.

– Опоздали?.. Мы не знали, что были званы.

– Были, – его голос не дрогнул, но каждое слово падало с весом камня. – Когда пала деревня Гарелли, мы отправили за вами. Дважды. Мы зывали к вам, словно к Богам. Но не было ни ответа, ни шага, ни тени. Только мертвые люди.

Он замолчал. Где-то позади чавкнуло колесо телеги в грязи, и громко, будто выстрел, хлопнули ставни. По спине пробежал холодный, липкий холодок, хотя солнце ещё не полностью скрылось.

– Нас задержали на перевале, – тихо, почти извиняясь, начал Лиан. – Мы...

– Не пришли, – оборвал его мужчина. – Не важно почему. Важно, что люди ждали. А вы не пришли.

Он посмотрел на Каэля в упор, будто искал в нём остатки совести.

– Вы больше не герои здесь. Вы – живое напоминание о предательстве. И вы нам не нужны.

Каэль не ответил. Лишь уголок его рта дёрнулся – не усмешка, а сведённый болью нерв, которому некуда деться.

Мужчина отступил, одним движением вычёркивая нас из реальности этого места, и вернулся к улочке. Толпа стала расходиться. Кто-то с силой сплюнул в пыль у своих ног, кто-то бубнил что-то себе под нос. А мы остались стоять посреди площади, словно призраки, которых уже перестали видеть.

– Я... – голос был тихим, слегка хриплым, но чистым, как горный ключ. – Я могу вас приютить.

Девушка. Молодая, с русыми прядями, выбивающимися из-под простого платка. Её взгляд, прямой и открытый, резал эту всеобщую вязкую неприязнь, как лезвие.

– Эйрин, – обернулся мужчина из толпы. – Не лезь не в своё дело. Пусть уходят.

– У меня есть свободная комната. И еда, – она не смотрела на него, только на нас, на Каэля. – Если согласны... прошу.

Каэль кивнул, почти неразличимо.

– Мы благодарны за милость.

Мы пошли за ней. Дом Эйрин стоял на отшибе, за шумным рынком и скрипучими, просящими масла, воротами. Внутри пахло хвоей, жареным луком и сушёными травами. Небольшое пространство дышало затворническим, но искренним уютом: связки растений свисали со стропил, в очаге с тихим треском умирал огонь, у окна стояла глиняная кружка с водой, в которой дрожал отсвет пламени.

Эйрин молча помогла Каэлю снять плащ, принесла таз с водой, чтобы он мог омыть руки, и принялась готовить. Двигалась легко, быстро, с привычной экономией каждого жеста. Вскоре тяжёлый горшок над огнём наполнил комнату густыми запахами мяса, тмина, мяты и какого-то солоноватого корня, от которого по телу разливалось обманчивое, согревающее тепло.

Когда мы расселись за грубым деревянным столом, она наконец заговорила.

– Не вините его, – Эйрин разливала по мискам густую похлёбку. – Кират... он не всегда был таким. После гибели брата в Гарелли... он словно остался там. Часто уходит туда один. Молчит. Уверен, что вы должны были спасти. Что вы обманули надежду.

Каэль медленно выдохнул, закрыв глаза.

– Возможно, он прав.

Эйрин присела напротив, обхватив свою чашу ладонями, словно грея их. Свет от очага плясал на её лице, вырисовывая глубокие тени под скулами.

– Впервые это случилось около месяца назад, – начала она тихо, и воздух в комнате словно вымер. – Но стоит мне закрыть глаза, и всё встаёт передо мной, будто вчера.

Ложка в руке Инары замерла на полпути ко рту. Лиян застыл, чуть подавшись вперёд. Эрон уставился в свою миску, но взгляд его был пуст. Каэль не шевелился, лишь его плечи стали ещё более окаменелыми. Внутри всё сжалось в ледяной комок. Её спокойный, ровный голос нёс в себе неотвратимость падающего камня, тяжесть, под которой не было спасения.

– Никто не знает, откуда они пришли, – продолжила Эйрин. – Не как набег с запада, без шума и ярости. Они не жгли дома, не кричали. Сначала исчез пастух, мальчишка по имени Хорт. На рассвете он вышел за скотом и... не вернулся.

Она сделала глоток воды, надолго замолкая, уставившись в пламя очага – словно сквозь него могла разглядеть прошлое.

– Потом пропали ещё трое. Двое взрослых и младенец. И каждый раз – ни звука, ни следов, ни борьбы. Только тонкая, гниловатая пыль на земле, будто от сгоревшей травы. Мы дежурили ночами. Мужчины выходили с факелами, ставили сигналы, держали копья... Но что бы это ни было, оно нас не боялось.

– Ты говоришь «они», – тихо, почти невольно, прервал её Лиян.

Эйрин кивнула, и тень скользнула по её лицу.

– Сначала решили – зверь. Потом – что сама тьма сгустилась и движется. А затем... стало ясно. Это люди. Или то, что от них осталось. Одного мы видели мельком, в лунном свете. Кривой, почти человеческий силуэт, но бездыханный и неподвижный – лишь тихий, противный скрежет, будто кости трутся о металл. Свет поблёскивал на чём-то остром и бледном. Он не шёл, а скользил, не оставляя следов.

Эрон медленно, почти заторможено, поставил миску на стол. Аппетит бесследно угас.

– Заражённые? – его голос дрогнул.

– Не знаю, – ответила она, её голос дрогнул.

– Кто-нибудь выжил? – вопрос сорвался с губ сам собой.

Эйрин на миг задумалась.

– От силы человек пятнадцать. Из всей деревни. Остальных мы не нашли. Только их следы – вытертые, будто стёртые нарочно. И ночи. Бесконечные ночи без снов. Мы вызвали Ар-Кеат. Ждали до последнего. До самого конца. Но вы не пришли.

Каэль отвел взгляд, его пальцы впились в край стола. Инара тяжело, с присвистом, выдохнула.

– Мы не знали, – сказала она, и в голосе зазвучала усталая правда. – В те дни нас держали под стенами Вал-Мира. Погибли сотни. Мы едва выбрались сами.

– Я верю, – Эйрин произнесла это тихо, но твёрдо. – Но Кират – нет. Он потерял брата. С тех пор вы для него – как снег, что не выпал зимой. Обещание, которое не сбылось.

Она обвела взглядом каждого, её глаза были прямыми, но невероятно усталыми, выгоревшими.

– Но дело не в прошлом. Вы должны знать... здесь, у нас, снова что-то происходит. Сначала были только ночи. Потом начали слышать голос. Один и тот же – женский. Напевает у колодца или за стеной. А затем... они приходят. И те, кто увидел, исчезают.

Повисло тяжёлое, гнетущее молчание. Снаружи жалобно скрипнуло дерево – то ли ставень, то ли ветка под напором ветра. Пламя в очаге резко качнулось и присело, будто пропуская чью-то незримую поступь. По спине пробежали ледяные мурашки, а пальцы непроизвольно сцепились в замок.

– Эйрин, – наконец сказал Каэль, его голос был твёрд, но тих. – В этот раз вас никто не тронет. Ты веришь?

Она подняла на него глаза, и в их глубине, среди пепла отчаяния, мелькнула крошечная, слабая искра.

– Конечно. Даже несмотря на то, что говорят... вы всё ещё Ар-Кеат. И если кто и может это остановить, то только вы.

Ночь опустилась на деревню тихо и неотвратимо. За окнами сгущалась тьма, поглощая смутные очертания домов и приглушая последние звуки. Поселение будто вымерло, затаилось в ледяном ожидании неминуемого. Огонь в очаге трещал укоризненно, разрывая тишину. Мы расселись по лавкам, кто прислонился к стене, кто к грубому столбу. Инара молча, с гипнотической монотонностью, натирала стрелы тканью, её движения были отточенными и бездушными.

Рука сама наткнулась в сумке на знакомый переплёт – старый, потрёпанный письменник цвета выцветшей коры. Отчаянно хотелось найти хоть что-то, что могло бы пролить свет на рассказ Эйрин. Пальцы скользнули по шершавой поверхности пергамента. Эта книга была

частью жизни. Мама вносила в неё лишь самое важное: забытые заклинания, древние тропы, аномалии, не поддающиеся логике. Порой казалось, она знала куда больше, чем решалась сказать.

Взгляд зацепился за знакомый подчерк.

«Новая находка. Я безмерно счастлива. Обнаружила в Тихом Архиве Аймель-Креста. Морак будет в восторге». Она не переведена полностью, но это лучшее, что мне встречалось за последнее время.

При виде имени отца уголки губ предательски дрогнули. Этот человек никогда не повышал голоса. Его сила была в обратном – в тихом, отточенном до остроты шёпоте. В молчании, что было оглушительнее грома. Он не унаследовал титул Дома Белого Короля по крови – он вырос из этой земли, из её глубокой, промороженной, вечной сердцевины. Его седина была не возрастом, а наследием. Взгляд – белым льдом. Он учил меня читать не строки, а промежутки между ними. Видеть не предметы, а отбрасываемые ими тени. Слышать не слова, а безмолвие, что их объемлет. И говорил:

– Ищи там, где другие не догадываются смотреть. В этом и есть разница между той, кто живёт, и той, кто выживает.

Интересно. Что он сейчас делает?

Мой взгляд скользнул дальше по строчкам, и сердце замерло в ожидании.

Из Песчаных Хроник Шестого Круга. Перевод.

...И были четверо, не по воле меча, но по велению Суцего. Не выбраны – распознаны. И когда Осколок разломил Нить Мира, они встали по сторонам Трещины, как корни древнего древа, удерживая землю от падения внутрь себя. Так появились Ар-Кеат. Так началось разделение.

Один носил Воду – и он стал Охраной. Он запоминал, не забывал. Он не дал душам погибших уйти в пустоту, ибо его память была глубже времени. Его взгляд был ясен, как гладь, и смертоносен, как прилив.

Второй нёс Землю – и он стал Опорой. Когда башни рушились, он стоял. Когда братья падали, он держал. Камни звали его по имени, а прах закрывал ему раны. Он не ломался – он оседал и поднимался вновь.

Третий был Воздухом – и он стала Глазом. Его шаг не слышали, но цель не ускользала. Его дыхание приносило вести, его голос – забвение, если было нужно. Он был незрим, как укол страха перед битвой.

Последний был Пламенем – и он стал Карающей Рекой. Не знал пощады, но знал Мэру. Его ярость могла испепелить поле, но он не сжигал без нужды. В нём был свет для своих – и огонь для чужих.

Их тела были из плоти, но суть – иная. В них жила Первая Искра. Не магия – суть. Когда грани размывались, и Истинное приближалось, глаза их вспыхивали: не светом – памятью рода. То было не даром, а следом. То, что оставил Первый, когда ушёл в Тень.

В эти мгновения их сила удваивалась. Не от злости, а от созвучия. Потому что Вода – не против Земли. А Пламя не против Воздуха. Они не орудия. Они – Удержание.

Ар-Кеат – не титул. Ар-Кеат – Стражи.

И если однажды четверо вновь встанут – значит, трещина снова открылась. Значит, нечто выскользнуло из ива. И значит, им предстоит вспомнить, кто они есть...

Я медленно перевела взгляд на Ар-Кеат.

«И если однажды четверо вновь встанут...»

Эта фраза, вырванная из древнего текста, повисла в воздухе, как зловещий шёпот. Кажется, всё куда серьезнее, чем представлялось. Но что может быть страшнее Чрева Тьмы? Пальцы сами собой пролистали несколько страниц, пока взгляд не наткнулся на слово, от которого по спине пробежал холод: **«Глып'хэн.»**

– Ты что-то нашла? – Раздавшийся за спиной голос Инары заставил инстинктивно захлопнуть письменник. Не от испуга, а от щемящего чувства – мамины записи были чем-то сокровенным, глубоко личным.

– Да, – отозвалась, раскрывая страницы снова. – Вот. Слушайте... Они приходят с севера, с неба, во время Кровавой Луны. Люди считают их полубогами. Но те, кто ходил туда, не возвращались. Их называют Глыр'хэн – в старом языке это значит «те, кто не оставляют плоть». Они не мертвы, но и не живы. Их тела искажены голодом и тем, что они едят. Живут общинами. По пятьдесят, по сто человек. Иногда больше...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.